

Богатыри

3

август
1955 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
журнал

Готовится на правах рукописи.

Содержание:

Худ. А. В. Романовский: "ПОМОГИТЕ!"

Гавриил Кизило: "НАРОД в БОРЬБЕ"

Сергей Лесной: "УРОКИ ОКТЯБРЯ"

"ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ, ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ!"
/Памяти А. А. Власова и его соратников/

Н. Дель: "КАРТИНА"

В. Пугачев: "ГОЛОС СЕРДЦА"
/стихотворение/

Николай Турбин: "ЗОДЧИЕ"

Н. Турбин: "РАННИМ УТРОМ"
/стихотворение/

Андрей Белый: "С НИВЕЛИРОМ по ДЖУНГЛЯМ
НОВОЙ ГВИНЕИ"

Редактор: Г. А. КИЗИЛО

Администратор:
А. Приданцев.

Адрес Редакции:
153 Brook St.
Coagee - SYDNEY
AUSTRALIA

" СВОБОДА БЕЗ БОГА, КРОВАВАЯ ЧАША ДЬЯВОЛА".

" ЗАБУДУТ, НО ВСПОМНЯТ; УЙДУТ, НО ВЕРНУТСЯ.
КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ОТВЕРГЛИ ЖИДУЩИЕ, ТОТ САМЫЙ
СДЕЛАЕТСЯ ГЛАВОЮ УГЛА.

НЕ СПАСЕТСЯ РОССИЯ, ПОКА НЕ ИСПОЛНИТ МОЕГО
ЗАВЕЩАНИЯ: СВОБОДА С БОГОМ"

С.И.МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ.

/В Александровском рavelине, перед казнью/

БОГАТЫРИ

Общественно - Политический и
литературно - художественный
журнал

ПОМОГИ!

НА ПРЯМОЙ К БОРЬБЕ

Гавриил Кизило

Гитлер пророчествовал, что царствие его продлится 1000 лет. Истории, видимо, не понравилось такое пророчество и она отпустила ему столько времени, сколько нужно было для его бесславного конца.

Как История распорядится с другой вражьей силой — коммунизмом нам еще неизвестно, однако, думаем, что он бесконечным быть не может.

Коммунистические идеи сами по себе, как известно, не новы. Свое начало они берут с незапамятных времен. Наиболее древние теории, дошедшие до наших времен, принадлежат Платону, Аристотелю, Зенону Сийскому и др. История также знает существование в древние времена различных коммунов.

Большую роль в этом сыграл Ветхий Завет, поощрявший стремление возродить утерянный земной Рай. Теория коммунизма последнего времени, построенная на "научном социализме" Карла Маркса есть в сущности продолжение той же идеи на материалистических основах, выраженная в атеистической непримиримости.

Борьба с настоящим и наследием прошлого, вне принципов и морали, изложена коммунистами в их основном документе — "Коммунистический Манифест", заключительные слова которого говорят: "Коммунисты считают презренным делом скрывать свои цели и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя".

Объявив насильственное ниспровержение существующего строя, коммунисты прежде всего направили всю свою стратегию на разрушение существующих религий. Провозглашая Свободу все коммунистические революции отказывались, как правило, от христианского начала братства. Отторгнув Истину, Свобода неизбежно превращалась в отвратительную диктатуру господствующей клики. Лучшим примером этого является французская Революция, а для нас — история последнего времени и судьба нашей Родины.

Самая яростная и беспощадная борьба, как мы знаем, была объявлена коммунистами Руской Церкви. И это не случайно. Наше Православие с того дня, когда свет Христианской Истины озарился у берегов Днепра /"когда земля и небо ликовали"/ всегда было основой нашего бытия, национального творчества и нашей государственности.

Используя социальное неравенство и, развивая худшие человеческие инстинкты, коммунисты ведут непримиримую борьбу, не только с общественным строем, который всегда слагался на основах религиозного верования; а, как доказала практика, и со свободой личности, не совместимой в коммунистическом обществе.

Будучи верным этим принципам, Владимир Ленин, воспользовавшись усталостью нашего народа в кровопролитной войне и несостоятельностью Императорского Правительства, возглавил силы разрушения и отдал историческую Россию в руки Третьего /коммунистического/ Интернационала.

Теперь, когда коммунизм укрепился на одной трети мира, мы можем сказать, к чести нашего народа, что, продолжая свою борьбу за овладение миром, коммунистический интернационал получил активного противника своих идей в лице поработанного им народа. Как бы это теоретически не казалось парадоксальным, но это факт, который плохо умеют скрывать сами коммунисты.

В настоящее время, когда человечество подошло к последнему этапу борьбы, когда перед свободным миром встал вопрос: быть или не быть, — мы с большей

уверенностью можем сказать, что спасение мира от угрозы коммунистического поработения зависит от успеха борьбы русского народа с его поработителями. Последние политические события являются доказательством этого положения.

Не сломив сопротивление народа коммунистическая партия СССР вынуждена идти на явные уступки, ища в дипломатических происках, как это было и раньше, поддержки вне пределов своего владычества.

Глубоко ошибается тот, кто думает, что всякий дипломатический успех Советского Союза есть только успехи внешней политики коммунистов.

Кроме успехов внешних, в плоскости нормальной дипломатии, каждый овой успех, явный и мнимый, коммунистические руководители используют, прежде всего, для укрепления овой власти, внедряя овой пропагандной машиной состояние безнадёжности борьбы у поработанного народа.

Кронштадтское восстание, как первый факт в истории подтверждающий это положение, не завершилось Третьей Антисоветской Революцией в России потому еще /кроме многих других причин/, что коммунистическая пропаганда использовала в те дни факт признания Советской России одной из великих западных стран. Так было в первые годы коммунизма в России, так повторяется и поныне. Повздки лидера оппозиции Великобритании Атли и Премьер-Министра Индии Неру, нужно рассматривать именно с этой точки зрения. Будучи по существу антикоммунистами эти почтенные господа дали себя использовать коммунистам для пропагандных целей на внутреннем фронте.

Тяжелая доля выпала нашей Родине. Ее исторический путь пошел через бездну беспредельных испытаний и на долю нашего поколения История предоставила благодарную миссию борьбы со злом во имя новой, обновленной России. Страшен поработанный народ жаждущий свободы, коптавший до предела пути и блага "земного Рая".

В политическую жизнь страны революцией были втянуты народные массы, поэтому свержение коммунистического режима в России нельзя рассматривать иначе, как акт антикоммунистической революции. При каких бы обстоятельствах это свержение ни произошло, революционное участие в нем народа будет неизбежным, и потому еще, что в результате свержения коммунистического режима неизбежны такие изменения в жизни страны, какие могут принести только народные революции. О контрреволюции или реставрации прошлого не может быть и речи.

Вряд ли кто-нибудь из вдумчивых людей сомневается в том, что политические и социально-экономические условия, созданные за эти годы коммунистами в нашей стране, не противоречат с психологией народа. Именно наличие этих противоречий позволяет утверждать на неизбежность антикоммунистического переворота. Будет ли этот переворот результатом внешних столкновений или процессом роста внутренних оппозиционных сил — остается пока вопросом открытым.

Для нас антикоммунистов — россиян, свержение коммунистической диктатуры внутренними силами является наиболее желательным. Однако для реальной политики в достижении этой цели вопрос должен быть поставлен не только с объективной точки зрения — желательности, но и реальной возможности.

Наш зарубежный опыт подсказывает нам, а международная обстановка как бы доказывает, что для ускорения свержения коммунистической власти извне, реальными оказываются два фактора сочи-

тающиеся между собой. Прежде всего - фактор антикоммунистической оппозиционной эмиграции и - фактор демократического Запада, организуемого и встающего на путь открытой подготовки для вооруженной борьбы.

Какими планами руководствуется демократический Запад на будущее, мы гадать не будем. Нам коммунистической оппозиции История предоставила идеальные возможности в условиях свободного мира проводить свою российскую политику, используя растущее сопротивление Запада к коммунизму.

Создавшиеся и обостряющиеся противоречия между народом и коммунистической властью не имеют примера в истории. Массовое поражение в первые месяцы прошлой войны являются убедительным доказательством этому. После войны обстановка, надо думать, обострилась еще больше. Разочарование народа в мечтах о внутренней эволюции коммунизма после войны, еще большая нищета вследствие подготовки к новой войне, знакомство наших воинов с Западом и полная беспробудность на будущее, - приводит народ к сознанию, что до тех пор, пока будет существовать коммунистический режим: ни войнам, ни нищете конца не будет. Поэтому антикоммунистический переворот в особую и длительную, как это имело место в дореволюционное время, пропаганде не нуждается.

Этого, однако, не достаточно, чтобы произошел желаемый переворот. Отсутствует один из главных элементов революции - распад власти, как это имело место в дореволюционной России, что и мешает найти народу пути для организованного выступления.

Российские антикоммунистические организации на Западе в этом вопросе могут сыграть огромную роль и ускорить революционный процесс. Организация революционных сил внутри СССР необходима. Мы - политические эмигранты - не должны отмахиваться от этой проблемы, как бы ни трудно ее было разрешить.

Если раньше для осуществления коммунистической революции революционерами-атеистами черпалось все самое худшее из их революционного арсенала, то теперь для достижения Народной Революции и для борьбы с паразитами над народом вооружен лучшими идеалами человечества.

Мировая Война принесла народам России разочарование и недоверие к Западу, от которого исстрадавшийся народ ожидал христианской помощи. Мы, поэтому, должны работать не над проблемой "спасения России" чужими руками, а одновременно, разоблачая "идеалы коммунизма" в свободном мире, работать над поднятием национального достоинства нашего народа, воели в него надежду, что великий народ, с вековой государственно-стью может и должен сам решить свою судьбу.

Наша задача заключается в том, чтобы возросший российский патриотизм на нашей родине, который коммунисты стараются использовать для своих планетарных целей, выдавая его за "советский" патриотизм, был направлен на благополучие нашей родины.

Мы должны помочь укрепить у наших народов национальное и революционное "МН", утверждающее в своей основе новый взгляд на вещи. Эта задача сейчас лежит на совести нашей интеллигенции, которая должна перестать болеть "мировой скорбью", а отдать все свои помыслы и умение своему народу и своему государству.

Даже если война /которую мы не проповедуем/ произойдет раньше народной революции и коммунизм будет свергнут силой оружия, и тогда не должно иметь места ползавшее на брже "благодарное население", ибо с таким "населением" Россия не создаст здоровой /мы имеем ввиду демократической/ государственности. Возможных победителей народ должен рассматривать как своих равных союзников и не давать никакого повода к возможным империалистическим возделаниям.

Когда мы говорим об укреплении нашего национального, а на данном этапе и революционного "МН", то мы очень далеки от мысли возрождения "квасного патриотизма" или убогих по духу "Соззов Русского Народа" нанесших России больше вреда, чем все революционные социалистические организации дореволюционной России.

Наше "МН" должно строиться только на полноценных знаниях прошлого и настоящего и впитывать в себя

лучшее в предвидении будущей многонациональной свободной России, стоящей на рубеже двух миров - Запада и Востока. У нас есть все основания пренебречь скепсисом самоуверенного Запада и оказать: Будущее мира зависит от будущего России!

Однако, какие пути лежат перед нами для достижения наших целей и какие олои населения нашей родины могут из потенциальных врагов коммунизма стать активными борцами и строителями свободной России?

Всякая власть - не миф и не загадочный офинко с усами /ныне покойный или сменивший его с подстриженной бородкой/. Власть в СССР - это диктатура коммунистической партии, значительного меньшинства над значительным большинством. Поэтому, всякий коммунист в СССР должен рассматриваться как активный или потенциальный враг российского народа. Всякие разговоры о том, что коммунисты бывают разные - "хорошие" и "плохие" должны быть оставлены для составителей сказочек в будущем, которыми добродетельные бабушки будут пугать своих внуков на манер сказочки о чертах - добрых и злых.

В компартию в СССР /и за границей тоже/ никого насильно не записывают - в нее "лезут"/тоже как черти/ карьеристы, аморальные типы и нередко "бывшие", чтобы скрыть свое социальное происхождение. И совсем редко "вступают" люди по искреннему убеждению. Для того, чтобы пролезть в партию человек должен превратиться в беспартийного большевика и совсем не на словах, а на деле доказать свою преданность партии Ленина, Сталина... Это является основным правилом для приема в партию всех категорий. Такая возможность партий была предоставлена для всех желающих в любое время, а особенно в период военного коммунизма, коллективизации, очередных чисток страны от "врагов народа" и в др. знаменательные периоды, богатой событиями советской истории. Это те периоды, когда появлялись Дыбенки, Голощекины, Павлики Морозовы и иуды - предатели, доносившие на своих близких.

Модные в эмиграции /и только в эмиграции/"слухи" о том, что в партию записывают "наильно" и чуть ли не ставят для этого "к стенке", относятся больше к области фантазии чем к действительности.

Если бы вся партия /или большинство/ получала свои партийные билеты отходя "от стенки", то, наверное, борьба народа с коммунизмом была бы совсем простой. Что противоречит, как мы видим, действительности.

Поэтому, во всякой работе, направленной на свержение существующего строя в СССР, нужно /что бы не работать в холостую/ опираться на угнетенный народ, на жертвы коммунистической партии. На каторжников коммунизма, на колхозников, на эксплуатируемый рабочий класс и на ту российскую интеллигенцию, которой не предлагали вступать в партию.

Делая обобщение, мы должны при этом помнить, что к категории угнетателей и врагов русского народа не могут быть причислены коммунисты, порвавшие с партией и те, кто добровольно "избрав свободу" ушли на Запад и включились в борьбу с паразитами нашего народа. Российский народ не может и в освободительной борьбе для него нет места.

Между поработенным народом и компартией должен быть вырыт непроходимый ров и чем глубже он будет - тем лучше. Мы должны знать кто наши враги, а не искать компромисс на основании смягчающей вину болтовни. Борьба есть борьба. За содеянные злодеяния коммунисты должны нести ответственность и формула от лукавой добродетели: "мы все в этом повинны", - должна быть отброшена раз и навсегда.

Путь же нашего российского возрождения к достижению стоящих перед нами проблем, лежит, по нашему глубокому убеждению, в возрождении религиозных верований наших народов. Для трех ветвей русского народа, составляющих основу нации и жеркавы, Православие должно явиться основой его духовного возрождения.

За все историческое существование наше Православие испытало много тяжелых ударов, но самым ответственным ударом был коммунистический произвол. И, не смотря на это, мы являемся сегодня свидетелями возрождения того, что казалось еще не так давно, утерянным

навеки.

За время борьбы коммунистов с церковью сменилось два поколения воинствующих безбожников и плоды их дьявольских трудов оказались тщетными. Во втором и третьем поколении терроризируемого ими народа затеплился огоньки утерянной в большевистскую Революцию Истины.

Возрождение верований у русского народа берет свое начало, очевидно, из глубокой древности. История оставила нам много примеров, когда религиозная оплотненность спасала нашу государственность.

Так называемые норманисты, плотно сидящие еще в нашей исторической науке, представляли наше прошлое языческим, не сообразуясь совершенно с тем, что древняя Русь никогда не была идолопоклонческой. Ее древний символ веры очень близко стоял по смыслу к христианскому. Только этим можно объяснить сравнительно быстрое и спокойное, без кровопролитных религиозных войн, принятие нашими предками христианства, которое и легло в основу нашей государственности.

Нам, антикоммунистам, отвергающим атеистические догмы, представляется возможным опереться на вековую идеологию нашего народа.

Если раньше, благодаря вмешательству Правительства в дела Церкви, верование народа сводилось к обрядности и праздникам, то теперь, надо думать, воскресает истинная вера через путь страданий и испытаний.

Объявленное "послабление" или разрешение религиозных культов в СССР, не есть просто политический маневр власти; как это думают еще многие, а есть без сомнения, результат борьбы народа с властью и его победа в многолетней борьбе.

Церковь наша сейчас выходит из глубокого кризиса, нанесенного ей богоборческими силами коммунизма. Всякого рода церковные "расколы", "отпадения" и др. признаки кризиса — явления временные. Мы переживаем тот период, когда церковь возрождается на нашей Родине не сверху, по воле правителей или высших церковных иерархов, а — снизу.

Мы склонны думать, что как бы не пыталась компартия в СССР изменить свою политику в будущем, возрожденная церковь неизбежно будет идти своим путем, вырастая в могучую национальную силу. И в бу-

дущей России безбожникам делать будет нечего.

Попытка коммунистов использовать возрождающуюся церковь на нашей Родине, как оружие для укрепления собственной власти, должна закончиться неизбежным провалом, т.к. сила церкви не в ее администрации, пошедшей вольно или невольно на сделку с богоборческой диктатурой, а в народе, сохранившем в себе веру в Бога.

До тех пор, пока на Родине наша церковь будет в зависимости от коммунистической власти, мы не можем признать ее администрацию, ибо такое признание было бы равносильно предательству.

Разделяя народ и власть в политическом аспекте, мы должны так же уметь различать пастырей, стратотерпцев и народ мученик от советской церковной администрации. Если первым мы отдаем все свои помыслы и надежды, то вторых отвергаем до их духовного и административного освобождения.

Мы возлагаем свои надежды на возрождающиеся религиозные верования не потому, что хотим видеть в будущей России поголовно религиозный народ и будущее правительство в подрясниках, — а потому, что возврат утерянной истины есть залог здорового государства.

Церковь и современное государство должны быть независимыми, но любовь народа к своей церкви и государства ко всем религиям должны быть едины.

Поэтому, потерянную Истину российский народ должен будет искать при построении нового общества в возрожденной России у таких защитников Царства Божия, какими были митрополит Гермоген, Св. мученик митрополит Филипп и Патриарх Тихон. У творчески одаренной русской православной интеллигенции, последователей Хомякова, Достоевского, Владимира Соловьева и др.

"СВОБОДА с БОГОМ" — должны стать катехизисом нашего освобождения и создания Новой России.

Других путей нет...

Гаврил Кизило.

Уроки СЕПТЯБРЯ...

Сергей Леоной.

/Продолжение. См. "БОГАТЫРИ" №2/

Мы не знаем какое направление приняли бы события в России, если бы Ленин жил дольше, но со смертью его появилось новый крупный фактор: борьба за личную и притом деспотическую власть среди самой власти. Одолела группа наиболее беспринципная, жестокая и преступная.

Все принципы демократии в партии были отброшены, начался внутрипартийный деспотизм. Приблизительно через 10 лет все вернулось к старому, деспотизм господствовал и над партией, и над народом.

Снова возродился старый антагонизм: народ против власти и власть против народа. Третий элемент — интеллигенция, — был раздавлен. Опять вопли старые формулы: "чем хуже, тем лучше". Надежда на то, что большевики разобьют таки своей корабль об какую-то скалу. Слова поэта: "С властью дух народа в вечном отрицании" оправдались снова.

Первые ростки истинной демократии были безжалостно раздавлены, деспотизм возродился не только с новой силой, но преобрел формы доселе несманные, более того: невероятные и невообразимые. За все ис-

торию человечества мы не знаем режима столь безжалостного и жестокого.

Борьба за демократию народ не мог прежде всего потому, что он в сущности чуть-ли не со времен Рюрика настоящей демократии не видел и не усвоил. Мало того, что бы восхвалить и прокламировать демократические начала, — надо вырасти, воспитаться и быть демократом. Ведь дело не в слове, а в том, что такое "народная демократия" понятно теперь, кажется, всякому. Истинная демократия — это прежде всего уважение к личности других; чем выше демократия, тем больше считается не только с большинством, но также и с меньшинством.

В том, что демократических начал не было в России, виноват безусловно дом Романовых и партии, их поддерживавшие. Еще со времени Елизаветы, разорвавшей собственноручно весьма умеренную хартию, составленную дворянами, идет захват творческого народного духа, — народу даже не позволяли говорить открыто чего он хочет.

Поэтому партиям, которые приложили руку к

осуществлению знаменитого лозунга городского: "тащить и не пущать", рекомендуется хранить гробовое молчание. Это их вина, что они в свое время не стали на сторону народа, а против его.

Видя полный развал власти, Николая 2-го прощали все дать одно — ответственное министерство. Прошли левые, прошли кадеты, просили правые, прощала делегация членов дома Романовых во главе с Вел. Кн. Николаем Михайловичем, просил двоюродный брат, Английский Король через своего посла Бьюкенена, но все было напрасно.

И вот тут правые стали не на сторону народа, а на сторону единовластного монарха. В результате народными симпатиями завладели те, от которых стало "харко" не только Николаю 2-му, нашедшему свою мученическую смерть в Екатеринбурге, но и всем партиям: произошел взрыв перенапряженного пара со всеми трагическими последствиями. Банкротами оказались все партии.

Все выше изложенное ясно всякому, кто пережил революцию. Не у многих находится столько гражданского мужества, окошко было у покойного проф. П. Б. Струве, громко об этом говорившего. Большинство предпочло шифовать и притесывать прошлое в ожидании того, что волшебница судьба преподнесет им родину на золотом блюде.

Еще до сих пор находятся люди, считающие, что русский народ существует для них, а не они для русского народа. За 35 лет они кроме границы между собой не дали ровно ничего, ни одного культурного начинания, если считать отдельных лиц трудившихся на благо и прославление России в одиночку. И даже теперь, видя, что находятся люди, которые что-то делают, они пытаются в их начинания "пихать палки в колеса". Все они, конечно, читали Чехова /а уж кто-то, а он знал Россию/, но не вычитали у него главного, его мечты, мечты о России "без исправников и без маркистов".

Таков наш взгляд на прошлое, но имеется и наше настоящее и будущее.

И в настоящем мы имеем народ и власть, но не народа, а против народа. Слова, правда, одни и те же, но содержание уже совершенно иное. Сейчас народ изменился и по внутреннему своему содержанию он должен быть назван народ-интеллигенция, т.е. сознательный народ, подавляющее большинство народа поднялось почти до уровня интеллигенции.

Этот народ отлично понимает какую власть он имеет у себя на шею, но ничего не может сделать, что бы стать на путь демократии, ибо система захима во сто раз хуже чем при монархии /это не значит, что последняя была хороша/.

В настоящее время все лозунги революции в России изжиты, никакими елейными проектами и обещаниями народ не соблазнить и никакими о ног ошибательными постановлениями марксизма народ не удивить. Следовательно и существующая коммунистическая власть в России ничего не может предложить народу.

Провал "рая" очевиден даже подрастающей молодежи, ясно он и подавляющему большинству членов партии /КПСС/, не говоря уже о тех, которые видели времена, похожие на демократию.

Рано или поздно, но даже в условиях коммунистического гнета, а сопротивление власти выявится в должном масштабе. В пассивной форме это выражается в том, что в страны настоящей, хотя и далеко не идеальной демократии, молодежь из России бежит, нисколько не скрывая своего полного разочарования коммунистическим "раем", и только тупость Запада не позволяет сделаться этому движению массовым и стихийным.

Сопротивление власти в России выражается и в открытой форме, к сожалению официальная информация об этом засекречена и опубликованию не подлежит.

Вся ставка народов России сейчас на терпении т.е. на классической формуле: "дожить, пережить и выжить". Ставка народа была на помощь извне. Что это не пустые слова, говорит поучительный пример 1941 г., когда фронт СССР развалился, как картонный домик.

Но течение истории приняло неожиданное направление, ибо никто не мог в России предвидеть, что Германия вместо ожидаемой помощи поднесет народам России мясника Гитлера, который поставит знак равенства между коммунизмом и народом и начнет уничтожать поголовно всех.

В этих условиях, естественно, заговорило чувство самосохранения: предпочли гнет смерти, ибо в душе всех людей никогда нельзя истребить надежду на хороший исход.

Народы СССР глубоко затаили недоверие к странам Запада, ибо как американские солдаты вытаскивали из церкви силой беженцев из России, не желающих вернуться, — известно всем и всюду. Этого доверия одной антикоммунистической пропагандой и "Голосом Америки" не восстановишь. То, что было одолано странами Запада в 1939-1945 гг. граничит с потерей логики, а согласитесь, разумно ли поступил народ, доверив свою судьбу политикам, действия которых противоречат простой логике.

Ни один гражданин СССР не может поверить, что бы с 1918 и до 1945 гг. страны Запада не знали, что собой представляет в действительности режим СССР. Все данные говорят за то, что Запад знал, а если знал, то почему не помог народу СССР? Значит справедливость к народам России, интерес к ним абсолютно отсутствовал. Для защиты животных от жестокого обращения отвечали /и теперь существуют/ "общества покровительства животных", а вот для защиты элементарных человеческих прав граждан России не оказалось никого, — это мол внутреннее дело суверенного государства. Все это народ в России отлично понимает, поведение Запада действительно показывает, что он совершенно "стигл", и не способен на ведение разумной политики. Конечно, с 1945г. Запад кое-чему научился, но ничего лучшего, как придумать войну против СССР атомными бомбами он не может. Совершенно очевидно, что атомная бомба получит такой же отпор, как и свастика. И так же совершенно ясно, что идеалы демократии нельзя насаживать атомными бомбами. Иного Запад не предлагает народам СССР — удивительно заманчивые перспективы!

И так, мы видим, что Запад совершенно не понимает русский народ. Спасение самого Запада заключается в том, что он должен в своих мероприятиях против коммунизма сначала подумать об интересах России, а оттуда уже произтекут и выгоды для Запада, а не наоборот. Поэтому народы России и выжидают пока Запад не начнет мыслить по-новому. Ждать, видимо, придется долго. Если даже некоторые историки не понимают почему была Россия, а стал СССР, то что уж и говорить об иностранцах.

Резюмируя все, мы должны подчеркнуть, что все начиная с войны 1914-1918гг., революции 1917-1920 гг. народного захима с 1920-1955 гг. и т.д., — все это коренится в отсутствии и в 19 и в 20 столетии демократии в России. Демократия отсутствовала даже в среде историков, ибо только в ее отсутствии могли вынашиваться теории вроде норманистской. Отсутствие демократических начал в государственном строе России сказало, как нельзя ярче, на эмиграции. Казалось, что проживши немало среди чужих, но демократически управляемых народов, должно было научиться, как надо жить по-людски, т.е. прежде всего уважать других. Но этого не было, ожесточенная гниль не только в политике, но даже в церкви, была характерной чертой эмиграции. Мелкие групповые или личные амбиции ставились выше увагу и доходили до смертоубийства в делах из-за выеденного яйца.

Не пора-ли оглянуться на уроки истории и прежде всего добиваться самообуздания, демократии, демократии и демократии. Только в ней секрет спасения российского народа и мира повсюду. Неужели мы окостенели до того, что стали глухи даже к голому разуму. Неужели нельзя посмотреть на трагедию России немножко шире узкого отверстия партийного ока и, вместо ссор, дружно стремиться к достижению векового идеала: свободной, демократической России.

Сергей Лесной.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: В ол. номере редакция опубликует комментарии к статье Сергея Лесного

ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ, ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ!

+ МЫСЛИ ВСЛУХ +

А.А.Власов: "Некоторые говорят, что Розенберг злой гений Гитлера. Какая наивность! Без Розенберга нет Гитлера, как нет нацизма без унтерменшей..."

Ф.И.Трухин: "...Хватит ли оружия? Я, признаться, боялся за свой прогноз, а оказался прав: с успешным наступлением советов, приток добровольцев не только не убыл, а, наоборот, увеличился."

И я, как в свое время один из Генрихов кричал: коня мне, коня, пол царства за коня! — во все горло тоже ору Оружия мне, оружия, пол-Германии за оружие!"

В.Ф.Малышкин: —Мы взаимно не любим друг друга, — повторял всегда В.Ф.Малышкин. А в Веймаре, на конференции, в присутствии представителей власти и дипломатического корпуса нейтральных государств, он решительно предупредил: —СТАЛИНСКИЙ КАРФАГГИ МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРУШЕН ТОЛЬКО В СОЮЗЕ С РАВНОПРАВНЫМ РУССКИМ НАРОДОМ. ИЛИ... ИЛИ ЭТОТ КАРФАГГИ БУДЕТ УВЕНЧАН ЛАВРАМИ ПОБЕДЫ".

М.А.Меандров: "... На русской земле прольются еще потоки крови. Эту кровь советское правительство постарается скрыть, но не надолго. Она просочится наружу и темными пятнами покроет демократические лозунги свободолюбивых стран. Мы же сумеем умереть достойно".

Последние слова из последнего письма М.А.Меандрова.

Он умер достойно.

В минуты отчаяния, в минуты духовной усталости — помни о народах нашей родины, помни, что их муки неизмеримо сильнее твоих личных страданий.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, 2-го АВГУСТА 1946 г. в МОСКВЕ, БЫЛИ КАЗНЬЮ ген.-лейт. А.А.ВЛАСОВ И ОДИННАДЦАТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ "ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ".

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, СТРОГО СКРЫВАВШЕЕ ОТ НАРОДА СУЩЕСТВОВАНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, ДАЖЕ ПРИ КРОВАВОЙ РАСПРАВЕ НАД ЕГО ВОЖДАМИ, НЕ РИСКНУЛО СООБЩИТЬ ПОДЛИННУЮ ПРИЧИНУ КАЗНИ.

НО ПРАВДА ДОШЛА ДО НАРОДА. НАРОД ЗНАЕТ, ЧТО ПОД ЗНАМЕНАМИ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ СТОЯЛИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ СВОЕЙ РОДИНЫ.

НАРОД ЗНАЕТ, ЧТО НЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА, А БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ; И НЕПРИМИРИМАЯ НЕНАВИСТЬ К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ПОРАБОТИВШЕМУ И ОБРЕКШЕМУ ИХ НА ГОЛОД, СТРАДАНИЯ И БЕСПРАВИЕ, — ЯВИЛИСЬ ПРИЧИНОЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

И ТОЛЬКО ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАРОДАМ РОССИИ, ПОМЕШАЛО ОСУЩЕСТВИТЬ СВЕРЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ КОММУНИСТОВ.

НО, НЕГСМОТРИ НА ТРАГИЧЕСКИЙ ИСХОД ВОРЬБЫ, ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, КАК НАИБОЛЕЕ СИЛЬНЫЙ ЭТАП НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, НАВСЕГДА ВОШЛО В ИСТОРИЮ.

ПАМЯТЬ О ВЛАСОВЕ И ЕГО ДВИЖЕНИИ БУДЕТ СВЯТО ХРАНИТЬСЯ В НАРОДЕ КАК ОДНА ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ СТРАНИЦ РУССКОГО ГЕРОИЗМА.

А.А.ВЛАСОВ.

Мы выдержим!

Мы много выдержим, мы всё переживём...
Не в первый раз в туман уходят цели.
Рожденные невзгодой и огнём —
Мы те немногие, что снова уцелели!

Сомкнем ряды попрежнему тесней.
Мы, русские, а это имя свято:
На свете нет надёжней и верней
И твёрже нет российского солдата!

В своих сердцах мы ладонкой несём
Кусочек родины: кто — степи Украины,
Кто — суздальскую тишь, кто глушь за Иртышом,
Кто — севера нетающие льдины!

Откуда б ни были — мы не пропустим час
Прийти на зов и развернуть знамена.
Недаром Бог нас в эти годы спас,
Давно опляканных, заживо-погребённых...

В чужой земле покой не обретём, —
Нас ждёт свой дом, свои волнуют цели!
Мы много вынесли, но русскими умрём,
Как жили русскими от самой колыбели!

Н. К.

Н. Дель

КАРТИНА

Н

ина Львовна остановилась перед небольшой картиной и, указывая на нее мужа, сказала:
- Из всех картин на выставке, мне больше всего нравится вот эта. Называется "Предчувствие." Как ты ее находишь?

Андрей Алексеевич ответил не сразу.

- Сказать правду, так я совсем не понимаю: что тут вообще может нравиться? Темное пятно и больше ничего. И почему она должна изображать "Предчувствие"? По моему "Темнота" - самое подходящее для нее название...

- Ах, какой ты право, - нетерпеливо перебила его жена, - эту картину нужно сначала понять, и потом уже криковать. Всмотрись хорошенько... Видишь вон там неясные очертания избушек, за ними стена леса, вот часть изгороди, а здесь силуэт воякшей собаки... чуть видны огоньки в окнах... И все окутано зловещей темнотой. Художник прекрасно выразил свою мысль - темное, неясное предчувствие чего-то недоброго...

- А я вот как раз не люблю всего этого туманного и неясного, - к чему нужно присматриваться и угадывать, - спокойно сказал Андрей Алексеевич, - простота и ясность - это все, что я больше всего ценю и в жизни и в искусстве.

Не дожидаясь ответа, он медленно пошел по направлению к выходу, рассеянно разглядывая висевшие по стенам картины. Перед одной из них он остановился. Она, повидимому, настолько его заинтересовала, что он не опускал с нее глаз до тех пор пока не подошла, задержавшаяся у "Предчувствия", Нина Львовна.

- "Я не оставляю тебя до самой смерти", - громко прочла она по русским польское название картины.

- Вижу, что эта тебе понравилась. Действительно, очень милые старички...

Это была большая картина, изображавшая больного старика в постели; у его изголовья на ночном столике - пузырек с лекарством, вазочка с цветами и Распятие; подле в глубоком кресле седая старушка: руки с вязаньем опустились на колени, глаза устремлены на больного.

- Мало того, что они милые старички, - продолжая смотреть на картину, сказал Андрей Алексеевич, - обрати только внимание на выражение их лиц. Вот, хотя бы старушка... Сколько тревоги, нежности и заботы в ее взгляде, устремленном на больного мужа, какая доброта во всех ее морщинках и скорбь в уголках рта. Прожила с ним всю жизнь, разделяя все горести и радости, была верной и любящей подругой... И, теперь, когда он может быть уже не встанет, она не отходит от него, приносит ему цветы из сада, молилась вместе с ним... Это сразу видно по выражению лица старика - с какой любовью, благодарностью и доверием, он на нее смотрит. Я так хорошо представляю себе всю их жизнь - тихую, безоблачную счастливую.

- Однообразную, неинтересную, - шутливо подражая его тону, докончила Нина Львовна. - Я тоже хорошо себе ее представляю, что-то а-ля "старосветские помещики", когда "ни одно желание не перелетает за частокол"... Неужели такая жизнь не кажется тебе скучной?

- Совсем не кажется. Там, где есть обоюдная любовь, доверие и взаимопонимание, когда двое людей идут рука об руку одной дорогой, - не может быть и речи о скуке. Поэты и художники от сотворения мира все мудрят над проблемой любви и толкуют ее каждый на свой лад. А она вот в этих двух старичках, олицетворяющих собой преданность, самопожертвование, самозабвение - все, чем отличается истинная любовь от этой теперешней... даже не знаю, как назвать...

Нина Львовна разсмеелась.

- А я знаю - увлечение. Это Питигрилли сказал, что в двадцатом веке не любят, но увлекаются.

- Пожалуй, что он прав. Только мало кто и увлекается по настоящему, так слегка какая-то... С прохладцей и трусливо оглядываясь по сторонам... Разве это увлечение?

Нина Львовна взглянула на часы и решительно взяла мужа под руку.

- Мы стоим тут и разсуждаем, глядя на картину, а время летит. Будь спокоен, когда соскучимся, будем также сидеть дома и смотреть друг на друга, как твои старички. А теперь пора домой. Ведь у нас сегодня литературный вечер.

Б

ыло уже за полночь, но Андрей Алексеевич, все не мог уснуть. Сославшись на нездоровье, он оставил гостей вскоре после ужина. Заглянул в детскую, где уже давно спали - трехлетний Котик и годовалая Милочка, с минуту полюбавался их милыми сонными личиками, затем пошел в спальню, разделся и лег в постель. На самом деле он был совершенно здоров - ему, просто, смертельно надоело эти литературные вечера, без которых жить не может Нина Львовна. Спать ему не хотелось. Он попробовал читать, но вскоре отложил книгу в сторону. Из гостиной до него доносились приглушенные голоса, иногда взрывы смеха.

"Вероятно уже закончили чтение и обсуждают прочитанное, - думал он, закуривая папиросу. - Тоже знаменитости! И охота же Ниночке возиться со всеми этими общипанными писателями и поэтами. Никогда не пойму, что она находит в их обществе? Ведь ни одного настоящего таланта - а все воображают себя чуть ли не гениями. Стряпают рассказы, стихи, даже берутся за романы. Ниночка в восторге: это ее сфера, ее жизнь, - а я умираю от скуки... На прошлом вечере всем оскандалились - чуть не уснул во время чтения поэмы Маяковского. Хорошо, что Ниночка во время лекции

нула меня за рукав... Очень неудобно получилось... Но чем же я виноват, что не могу ни восторгаться, ни принимать участия в их разговорах? Не всем же родиться литераторами"...

Он повернулся к ночному столику, потряхнул пепельницу и вздохнул. — "Разные мы с ней люди и разные у нас интересы", — продолжал он свои мысли. — Потому так и выходит. Ниночка хороша, умна, талантлива, любит литературу. Ей необходимо общество интересных людей, новые впечатления, творчество — все, во что она могла бы вложить избыток своей энергии. Она прекрасная мать, хорошая хозяйка, но ограничиться только лишь одной ролью, для нея не достаточно. Ей нужен большой простор..."

"Я знаю, она любит меня, но далеко не так, как я ее люблю. Вся моя жизнь в ней и детях, наш семейный уют — все мое счастье. И нет для меня ничего дороже этих вечеров вдвоем с ней, когда нет никого постороннего. Но я знаю, что она их не любит!"

Андрей Алексеевич, докурив папиросу, повернулся на бок и закрыл глаза. И все думалось ему о ней, о его Ниночке — милой, ласковой, так горячо любимой, но всегда, как будто, немного далекой. По ассоциации мыслей вспомнилась, виденная сегодня на выставке картина.

"Вот если бы Ниночка могла когда-нибудь поцеловать меня той большой любовью, какая светится в кроющих глазах той седой старушки. Как очастлив был бы я тогда!" — С неожиданной тоской подумал он. Сон все не приходил к нему. Он только что закурил снова, как дверь открылась и вошла Нина Львовна, оживленная раскрасневшаяся.

— Ты еще не спишь, Андрюша? — опросила она, приостановившись у порога. — Может быть ты в самом деле нездоров?

Андрей Алексеевич улыбнулся.

— Нет все в порядке, будь спокойна, просто не спалось... Как же прошел твой вечер?

— Ужасно жаль, что ты ушел. Маевский на этот раз не читал поэму. Мог бы остаться. Зато Никифоров читал свой последний рассказ "Роланд Северный" — так прозвали офицера, послужившего фелькету моделью для "Медного Всадника". Прекрасно написан. Скоро будет напечатан в газете. Затем Берг и Фомич декламировали свои стихи — очень не дурно. А самые удачные — Берг посвятил мне. "На улице глядеться и узнать..." Дальше забыла. Завтра я тебе прочитаю... ты мне напомни...

Не прерывая щебетанья, она разделась и легла в постель.

— А теперь спать. Я очень устала.

Андрей Алексеевич нашел под одеялом ее руку и нежно взял в свои.

— Ниночка, родная моя, я хочу о чем-то спросить тебя?

— О чем?

— Представь себе, у меня все не выходит из головы та картина на выставке...

— "Старички"? Стоит ли о ней думать...

— А вот видишь, я думаю. Ты знаешь, что в искусстве я не особенно тонко разбираюсь и не очень им интересуюсь, но эта картина поразила меня тем, что все в ней отвечает моим самым сокровенным мечтам и идеалам. Даже само название: "И не оставил тебя до самой смерти" — какие это простые, глубокие, святые слова. В них все сказано и до бредить ничего не нужно.

— Я никогда не предполагала, что ты так впечатлителен... и чувствителен тоже... Так о чем ты все-таки хочешь меня спросить? Мне спать хочется...

Голос Андрея Алексеевича слегка дрогнул, когда он продолжал:

— Есть вещи, к которым я не могу не быть чувствительным... Если бы, скажем, я серьезно заболел и вынужден был надолго лечь в постель — жалела ли бы ты меня? Отказалась ли бы ты от общества, литературных вечеров и других развлечений и посвятила ли

бы ты все свои досуги уходу за больным? А если бы я умирал...

Нина Львовна быстро зажала ему рот ладонью, не дав договорить.

— Довольно, больше не хочу ничего слушать! Бог знает, что за глупости приходят тебе в голову... И все эти старички противные! Терпеть их не могу! — И отнимая руку, добавила строгим голосом:

— И никогда не смей говорить мне об этом. Слышишь! Никогда.

— Но ты так и не ответила мне...

— И не отвечу. Забудь ради Бога о картине и будем спать. Спокойной ночи...

Она поцеловала его в щеку и, улыбающийся, зарылась головой в подушку. Не прошло минуты, как она уже спала.

Андрей Алексеевич потушил лампу. Долго еще краснела в темноте красная точка его папиросы.

Конечно. Теперь можно отдохнуть..." Нина Львовна подписала свою фамилию и закрыла тетрадь. Затем она тяжело опустилась на узкую железную кровать, прилонилась спиной к стенке и с удовольствием протянула усталые ноги.

"Наконец-то"!.. Прошло одно ночное дежурство, впереди осталось еще три безсонных ночи. Если бы только можно было хоть немного поспать днем! Но беспрерывное хождение по коридору, разговоры, крики и плач детей за стеной и под окном, — делают отдых совершенно невозможным. Хотя бы только полежать и чуть-чуть подремать...

Вот сейчас она вернется домой в небольшую комнату, все пространство которой занято двумя железными кроватями, маленьким самодельным столиком, двумя стульями и нагроможденными один на другой ящиками и чемоданами. Так живет она с детьми уже два года после окончания войны и, по сравнению с немецким лагерем, эта обстановка кажется вехом комфорта. Там спали на голых нарах, подложив под голову что попало, ходили под конвоем на работу, оставшиеся вещи кеняли на кусочек сала или хлеба. Зато теперь они одеты и всегда сыты. Она работает сестрой милосердия в лагерьном госпитале, Котик ходит в школу, Милочка в детский сад.

Нина Львовна тяжело вздохнула.

— Бедные дети! Тяжелое детство выпало на их долю... Слава Богу, что хоть подросли и можно их оставлять одних. Сами встают и одеваются. Котик приносит завтрак из кухни и приоткрывает за Милочкой. Бедняжки! И уже так скоро сиротки...

Андрей безнадежен. Боже мой, Боже мой! Кто бы мог предполагать, что так скоро сломаются его железный организм! Он, еще так недавно, перепплывавший реки и бравший призы на олимпиадах, прекрасный лыжник и конкобежец, он бывший олицетворением молодости и силы, — этот самый Андрей уже долгие месяцы лежит, прикованный к постели и никогда о нее не подымается. Никогда... Какое это страшное и жестокое слово!...

Нина Львовна провела рукой по лбу и закрыла глаза. Вспомнилась счастливая, беззаботная жизнь в крупном польском имении, в котором Андрей был администратором. Большой дом, парк, ее литературные вечера, балы, концерты. Но все это промелькнуло быстро, как сон.

Милочке едва исполнился год, когда вспыхнула война. Андрея призвали. Она хорошо помнит прощанье с ним: его мощную фигуру в офицерском мундире, его светлую, ободряющую улыбку. — Береги себя и детей, моя голубка, — говорил он, обнимая ее в последний раз, — война продлится не больше месяца и мы снова будем вместе. Меня не убьют, я это чувствую, а плавать не боюсь. Ведь немцы не большевики...

Не прошло и трех недель с начала войны, как

Польша была раздавлена, а затем разорвана Германией и Советским Союзом. И тут все оказавшиеся под немецкой оккупацией, с изумлением узнали, что носители "вышей в мире культуры" являются одновременно и предателями "вышей расы" — призванными Провидением к владению над миром. И рекой полилась кровь.

Как в тяжелом кошмаре пронеслись годы войны сначала в Польше, затем в Германии. Бомбардировка, жизнь за колючей проволокой, голод, вечный страх за жизнь.

Она знала, что Андрей в плену и после окончания войны разыскала его через Красный Крест. Снова все были вместе в лагере ДП. Но Андрей был уже не тот — страшно исхудавший, огорбившийся и постаревший он редко улыбался и глухо кашлял по ночам. Рассказывал, как в плену их кормили полусырой бражкой, мерзлым картофелем и рапавенным овсом. За малейшую провинность били прикладами. Люди умирали от цинги и желудочных заболеваний, сотнями, тысячами.

Вскоре Андрей заболел туберкулезом. Его поместили в больницу. Лечили всеми новейшими средствами. Но состояние его ухудшалось, силы покидали с каждым днем. Нина Львовна знала, что это начало конца, который должен наступить совсем скоро...

За дверями слышались шаги и голоса, пришедших на смену сестер. Нина Львовна встала, передала дежурной сестре рапорт и, не успев еще снять косынку и халат, как вошла дежурная телефонистка:

— Я за вами, Нина Львовна. Идите скорей к телефону. С вами хочет говорить старший врач из Роттенхостер...

Нина Львовна почувствовала, как у нее вдруг ослабли ноги, громко стукнуло и быстро-быстро забило сердце. Но она пересилила себя и бросилась бежать по тускло освещенному коридору в канцелярию. Телефонистка еле поспевала за ней.

Подбежала к телефону, схватила похолодевшими, ставшими вдруг деревянными пальцами, трубку:

— Слушаю...

— Говорит доктор Каутенбах... Вы должны приехать с первым же поездом... В состоянии здоровья вашего мужа произошло резкое ухудшение. Мы оделаем все, что в наших силах, но... вы должны быть готовы ко всему, гнэдице фрау...

Золотистая оса с тонким жужжанием кружится над тарелкой со спелыми сливами. Нежно пахнут чайные розы на ночном столике. В открытое окно, вместе с лучами заходящего солнца, вливается горный воздух Шварцвальда. Все в маленькой комнате на третьем этаже больничного блока светится безукоризненной чистотой. Время от времени бесшумно отворяется дверь и к постели подходит дежурная сестра: наклонится над больным, приложится к его дыханию, проверит пульс и так же неслышно исчезает.

Андрей Алексеевич лежит не шевелясь. Голова его высоко покоится на подушке. Исхудавшее лицо с глубоко запавшими глазами и бескровными губами — неподвижно и спокойно. Впалая грудь поднимается часто коротким, прерывистым дыханием. Он спит.

Нина Львовна уже два часа сидит у его изголовья. Когда она вошла в комнату — он улыбнулся и сказал, что очень рад ее приезду. Затем погрузился в полудремотное состояние и, казалось, совершенно забыл о ее присутствии. Но когда она осторожно подошла к ночному столику, чтобы поставить розы в воду, он открыл глаза и улыбкой поблагодарил.

Через некоторое время, снова открыв глаза, спросил о детях. Но спросил совершенно равнодушно, без прежнего интереса и тут же, взглянув на сливы, попросил приготовить из них к ужину компот. «И все одним и тем же спокойным, словно чужим, голосом. На конец он, повидимому, уснул.

Нина Львовна вся похолодела, не отрываясь, смотрит на это страшное лицо.

В голове странная пустота.

"Андрюша... Андрюша умирает... Вернее не он — его уже нет, — а то, что осталось от него. Еще немного, прервется это дыхание, а с ним и остаток жизни. И тогда все кончится, все..."

"Он уходит тихо и спокойно, так как и прожил всю жизнь — всегда ровный, спокойный, любящий... Она останется совершенно одна в этом холодном мире, среди чужих людей..."

"Если бы только, уходя, он мог почувствовать как крепко она его любит".

С глубокой нежностью наклоняется над мужем Нина Львовна, осторожно гладит мягкие волосы, прикасается губами к холодеющему лбу и тихо шепчет:

"Спи спокойно Андрюша... милый и единственный... Я здесь с тобой... я люблю тебя... всегда любила... Теперь люблю больше, лучше..."

Ресницы Андрея Алексеевича слегка дрогнули, медленно открылись глаза.

— Ниночка...

— Милый мой Андрюшенька...

Взгляды их встретились. Так продолжалось несколько мгновений. Вдруг широкая, счастливая улыбка озарила лицо Андрея Алексеевича. Губы зашевелились, силась, что-то выговорить.

Нина Львовна еще ниже наклонилась над ним.

— Родной мой...

— Помнишь... картину? — прошептал он. И стой же счастливой улыбкой Андрей Алексеевич тихо закрыл глаза.

Не память, но душа подсказала Нине Львовне, о какой картине, умирая, вспомнил ее муж.

Н. Дель.

ГОЛОС СЕРДЦА

Где-то там, где лунными ночами
Серебрится клейкая листва, —
Сказаны и выслушаны нами
Эти торопливые слова.

Этих слов по липовым аллеям
Юность не боялась говорить...
А вот мы, как будто, и не смеем
Даже их друг другу повторить.

Легче темя расколоть о камень,
Чем опять тревожить без конца
Этими блаженными словами
Некогда блаженные сердца.

Где-то там у дымного вокзала,
В грохоте стихающих боев,
Стоном лебединных отвзвучала
Искренность волнующая слез.

И с тех пор, привыкнув лицемерить,
В этот липкий погружаясь страх,
Многому мы разучились верить
Даже в тех взволнованных слезах.

А ведь их по липовым аллеям
Юность не боялась говорить...
Неужели мы и не сумеем
Этих слов сегодня повторить?

В. ПУГАЧЕВ.

НИКОЛАЙ ТУРБИН

"Зодчие"

Н

а сегодняшний день Иван Савельевич отмаялся.

Зубчатыми, мудренными ключами, внимательно, не торопясь запер свой склад красного товара. И, как щелкнул последний замок,

тотчас же заметил толстого подрядчика фалалей Агафоновича, торопливо семенившего короткими с кризисной ножками и издали махавшего клетчатым платком: дескать, тут я, тут! Обожди!

Строил он Ивану Савельевичу новый дом и появлялся ежедневно к вечеру, доложить как и что и, конечно, перехватить деньжонку.

Рядом с озабоченным купцом выглядел этот "зодчий" шар-шариком.

- Ох, ох, ох, взопре! С барышем, Иван Савельевич! - приветствовал фалалей Агафонович, шумно отдуваясь.

Иван Савельевич расчесал гребешком волнистую бороду, подкрутил плавным выщом усы, повел широкими плечами, чтобы ловчее сидела поддевка, выправил обоченный картуз и, как всегда, предложил:

- Пойдем, что ли, чайку хлебнем?

- О том и думал! Уж больно припекло! Глянь-ка! - и фалалей Агафонович показал спину. На белом полотняном пиджаке мокро отпечатались обе лопатки.

- Солнышко-то без всякой экономии жарит. На отройке пылища - тучей! Кирпичи в штабеля складывали! Наглотался сухоты до маковки. Смочить бы не мешало!

Улица взбиралась на гору. Под тяжелой по ступню Ивана Савельевича поскрипывал деревянный троуар.

Прятались в палисадниках дома за сивой, тяжелой от пыли, листвой. Только лавки, распестреннные вывесками, красовались полными фасадами, пренебрегая тенью. В жарком, густом воздухе, медленно взмахивая острыми с перышком крыльями, летали чайки, а выше их кружили голубиные стаи.

На ходу словоохотливый фалалей Агафонович разговаривал с купцом короткими перебранками. К тому же, чтобы поспеть, в один шаг купца укладывал три своих. Катился колобком, пыхтел и шмыгал по сторонам острыми мышиными глазками.

- В моем деле без шустрого глаза - труба, - об"снял он. - Разогнал их, теперича и не останавишь!

А Иван Савельевич, раскланиваясь направо и налево со встречными знакомыми, заодно примечал окобинки домов: разукрасы, плюсы да минусы, беспокоясь за свой будущий.

На чужом добре ума набирался.

Поколотил ореховой палкой о стену и прислушался.

- Тонковата, поди! А как у нас?

- Ух! - отмахивается "зодчий", - пушкой не прошибешь!

- А я бы, Агафонич, для теплоты кирпичик прибавил.

- Я и сам думал. Надо бы кирпичик прибавить, - подтвердил "зодчий".

- Может полтора, Агафонич?

- Полтора бы еще лучше, Иван Савельич.

- А вишь, окна богатые, - указывает Иван Савельевич, - наши-то, кажишь, узакovati?

- Ни, ни! В шесть четвертей. Дворцовые окна! Хошь лопатами свет выгребай! - успокаивал купца.

Но у Ивана Савельевича особая забота.

- Смотри, чтобы Евлампия Онисимовна не взершилась! В склеп, мол, заживо загнали. Для большей прозрачности накинуть бы четверть?

- И то! - закивал головою фалалей Агафонович. - Ведь на языке вертелось. Для вас, к примеру, светлости в аккурат, а для нее - темновато. Без лишней четверти никак не обойдемся.

- Глянь-ка, балкон тот... пошире нашего! - поднял бороду купец.

- Куда! - фыркает "зодчий", - это ж тычек! А на нашем кадриль отхватывать можно!

- Ой ли, Агафонич?! Не пожалеем-ка аршинчика! Затеет Евлампия Онисимовна возню в котом - все балясины к шутам гороховым выводит!

фалалей Агафонович ударил себя по лбу ладо- нью.

- Клином в башке сидело! Так и тянуло напомнить! Для разного прочего - разгуляй поле, а для ее нрава тесноват! Пристегнем аршинчик и пущай не с котами, а с тиграми тешился!

А уж Иван Савельевич шурится на угловой дом.

- Даже размалеван. Ровно карусель на ярмарке! Как на твой окус?

"Зодчий" даже ножкой пристукнул.

- Точно-с! Щеглам в нем жить, а не людям! - и расчувствовался. - Грешно, а завидую всевидящему оку вашему и тонкости художественной. Вам бы, Иван Савельич византийские храмы созидать!

+ + +

Пятьдесят два года прожил Иван Савельевич в старом дедовском доме, похожем на разсидистый, толстоногий гриб.

Ходил наизусть в полутемных комнатах между мягкими тумбочками, несуразными креслами, глыбастыми шкафами, буфетами, позвякивающими посудой, окованными сундуками, печами в три обхвата и кроватями шириною в сажень.

Нарочно громко чихала своенравная Евлампия Онисимовна.

- Руки поотсохли пыль стирать с энтакого

окопления. И вытащить некуда. Подвалы полны-полнехоньки. А от нафталинового духа хошу ровно моль сонная. Ты, Иван Савелич, приобик к такой сжатости — увертываешься, а овежий человек все ноги пообдерет углами, а, глядишь, и нос расквасит. Около самой реки живем, а дышать нечем. И, акромья обшарпанного забора, смотреть неначто!

Нестерпим Евлампии Онисимовне старый дом. С глаз долой, на свалку!

А легко ли родной старине отходную прочесть? Так и откладывал, пока сын не добрался до предпоследнего класса. А кто его знает? — окончит выучку, вернется из губернского города, еще и женится — без нового дома не обойдешься. И уж ежели строить, так лет на триста!

Обмозговать от подвалов до петухов на крыше. Снять заботу и с внуков, и с правнуков.

С того дня и начались каждодневные чаепития с подрядчиком фалалеем Агафоновичем.

Ехидствовала подковыра Евлампия Онисимовна:

— Ох и зубомой! Из пиленого сахара дома строите!

А Иван Савельевич бороду поглаживал.

— Не капает! Торопливо одних блох ловят, а в таком деле тихоходом вернее. А после за всякую оплошку ржавой пилой врежешься!

аевали в "Доме трезвости".

Было это годиков пять назад, когда в Городской Думе раздался громкий призыв Ивана Савельевича.

— Благородные дворяне и почтеннейшие граждане! Церквей в нашем городе — шесть, кабаков — тридцать шесть, четыре блудных дома, — а трезвого заведения нет. Аль, не стыдно?

Начал на купечество, подообило дворянство, мешчане — и выдвинул Иван Савельевич "Дом трезвости" имени Михаила Васильевича Ломоносова.

Для молодняка и холостяжников старался. А сам к стаканчику прикладывался — любил выпить. Но рассуждал просто: — Всякому свои годы. Подросток человек, мозги окрепнут, а еще лучше, козь и жена появится, — тогда и пей на здоровье. Мир, что огород неполютый. Есть сорняки, отроду клейменные, с одной дорожкой — в кабак!

Чтоб не волокли за собой пороком не мачены и постарался, не жалея сил своих, Иван Савельевич.

Обстроил "Дом" как надо. С читальней, харчевней, с театром и садиком — прохлаждаться в летнюю жарину.

Сам губернатор оочастивил душевным письмом. Известил кого надо в Санкт-Петербурге. И вышел Иван Савельевич в кавалеры — повесили на шею большую серебряную медаль.

И, в акурат напротив "Дома трезвости", проворовавшийся чинуша, охлестил Зоил Ныркин, открыл заведение "Гнездышко", распивочно и навмыно.

— На мою больную мозоль наступил! — трыо кулаками Иван Савельевич, — И ведь где, гнида, прилип? Не каждому в башку влезет. Вся линия портит!

— Одно смущение! — волновался и фалалей Агафонович, — В шею бы! За заправок! За заставу!..

Когда пришли в "Дом трезвости", мимоходом заглянули в читальню.

— Вишь ты! — подмигнул Иван Савельевич, — дело-то, слава Богу, тронулось.

Мышинные глаза фалалея Агафоновича втрое увеличились.

— Полнехонько. Просто чудо. Наплодилось грамотных, что и сесть негде. А все с вашей легкой руки, Иван Савелич!

Без зговора оба строители прошли на кухню,

оттуда в кладовку.

Никто и не удивляется. На то и глаз козяшский, чтобы в корень смотреть. А разбитому яроуланцу, половому Гавриле, подоказывать незначем. Огонь парень — не угонись! Ногж: несутся в гостиный — на председательский отол, под образа, чай сервировать, а руки в кладовке в председательские стаканчики водку наливают.

Первый глоток усталость ошибает. Выпили строители и крякнули. Иван Савельевич грибок пережевывает и Гавриле на ухо:

— Гаврюшка, сукин кот, ежели осмелишься кому другому — держись!

Половой даже обиделся.

— Вся жисть с солфеткой бегаю, ваше отепенство. Уголовные тайны под языком держал! А вы меня: за неосмысленша признаете. Воя-с пьяная наличность: вы, фалалей Агафонович, казначей, да секретарь!

Иван Савельевич брови скобкой и свистящим шопотом:

— Оглядку соблюдай. Кто еще?

— Повар, натурально. Для прочистки вкуса!

Палец Ивана Савельевича поднимается, как грозный и справедливый судья.

— Непьющий повар — не повар! И на этом крышка! Другим ни-ни!

Хихикнул Гаврюшка.

— Другие в "Гнездышко" Зоила Ныркина перепархивают.

— Не наш грех! — печально развел руками купец.

Второй стаканчик мозги промывает. А к третьему, к "тихой радости", Гаврила подает кусочек ваты.

Вата омачивается водкой и засовывается в дырявый зуб Ивана Савельевича. Ему казалось, что этой ваткой он смывает собственные черные пятна, что-бы, сохрани Бог, не замарать ими чистого лица "Дома трезвости".

а председателским столиком, под образом Божьей Матери "Воспитание", зодчие наслаждались чайком, как будто предварительно и не было.

Из золотой рамы улыбался великий архангельский мужичек, любимец двух императриц, в парике, с лентой и при звездах.

фалалея Агафоновича приятно туманило.

— В Сормовском "Доме трезвости" кондитерские бабки к чаю подают, — вспоминает он. — Завернул впервые и диву дался. Уминает их мастеровщина засаженная. Шестерки подавать не успевают. Почему, думая, они здесь в такой известности? А еда забья! Кричу: тащи и мне! Принял зубами — и дух заняло! Верить ли — чистый ром в прямоугольном градусе. И, как о губки, течет. Тут бы душой воскорбеть, а я обрадовался. С разбегу две скушал — и весь промок! Выполз оттедова в полном затмении. Ниточки трезвой не нашел бы! Вишь ты, какими лисьими кругами свои же параграфы обходят!

В широкие окна легким золотым туманом врывался солнечный свет. Крестовины рам протянулись во весь пол выкрашенный охрой и натертый до блеска. И весь этот блеск и уют, душистый пар из чашек, вкусные запахи булочек и ватрушек удовлетворяли гордость Ивана Савельевича и веселили душу.

Как мальчик скользил под столом подметками и любовался четким, перевернутым отражением сапога.

— Такой же пол и мне изобрази, Агафонович! В точности!

Побагровевшее лицо "зодчего" без слов говорило: — лучшего и не выдумаешь, — а громко добавил

— Такой и предвидел! Дворцовый пол!

Пригнулся Иван Савельевич и глянул вдоль всего пола.

- Не оложить ли нам, Агафониц, паркетный?

- В аккурат, паркетный и я примерял, Иван Савелич.

- Кабы в елочку, Агафониц?

- Только в елочку! - встрепетнулся зодчий - На манер ковриков, Иван Савелич.

- А я бы в шашечках пустил. - вдруг нахмурило на купца. - Желтые и черные в перемешку!

- Во! О них и думал! - подпрыгнул "зодчий". - От елки одна рябь в глазах. Ее три не три елочкой и останется. А шашечки в перемешку, под полным полером, так и играют! Умиленье ослепительное! И весь узор в широком раскате!

- И печи бы с глянем поставил, - располагал Иван Савельевич дальше.

- О, Господи! - вцепился "зодчий" в собственные волосы, - да как же без глянца? Чать не банными камешками угли заглаживать?

- Подобрал бы изразцы с васильками, с маками с колосом... - мечтал купец.

- А куда ж их без цветов? - отчаянно разводит руками "зодчий". - Гладкие только и гожи на кухню, да в отхожее место!

- Еще бы занятнее, Агафониц, найти с целыми картинками: с лодочками, мельницами, охотниками, с рыбками и рыбаком на пруду...

А "зодчий" пузатый портфель бух на стол и по нем ладонью:

- А что здесь? Никаких цветов! На предварительном плане, полгода назад, так и записал: печи голландского изразца с природными видами! Других и даром не надо!

Так-то два строителя каждодневно перетряхивали будущий дом, не забывая даже гвоздики для теплой обшивки входных дверей. И, почти что ежедневно, после чаепития, фалалай Агафонович, поехиваясь и протирая руки, подбирался к купцу:

- Мне бы рубликов двести пятьдесят - с мели одвинуться.

- Ишь ты! Как в сточную трубу денежки уносит! А вчера брал, прорва бездонная! - досадовал купец, вынимая толстый бумажник.

- Брал, да отдал. Денежки в трубу, а из трубы - кирпичики!

- Бери уж сразу пятьсот, чтоб без частого беспокойства.

- Столько-то и хотел спросить, Иван Савелич! Чуть замешкался, а вы сами догадались. Как раз пять сот!

+ +

алалай Агафонович суеился на стройке - рабочим языком подхлестывал.

Пиджак, шляпу, тросточку и портфель развесил на сучках молодой березы. Шею охлаждал мокрым носовым платком - жарынь донимала.

Полуголая артель выгружала о бажисаженные бревна. Потные загорелые мускулы отличали бронзой. Слепила глаза серебряная гладь реки.

Скрылся старый дом Ивана Савельевича за штабелями кирпичей, только и догадывался по окворах и синему дымку из кухонной трубы. Новый, двухэтажный, воздвигали поближе к реке, посередь пригорка, что вышку сторожевую. Отсюда Волга, как на ладони и вся ширь левобережная - лесисто-кудрявая, да луговая.

Хлебнул фалалай Агафонович из хбана холодно-го квасу для прохлады голоса и только ообраился подзодорить артель нарезной прибауткой, глядь: а из

узенского прохода между штабелями, появилась сама Евлампия Онисимовна. Одна ладонь козырьком, а другой обмахивается. Платье так и горит пунцовыми розами, как бакен отличный на опасном месте.

Иван Савельевич, губа не дура, выбрал жену годиков на двадцать помоложе, но в аккурат по плечу - высокую, осанистую, чтоб не потерялась. И достоинство на чуждах соблюдала - лебедушкой плыла.

От таких пиковых крадей сперва будто холодком веет, а подойдешь ближе - так в жар и кинет.

Подмигнул ребятам десятикий. Враз смекнули. Выпрямилась бронзовая команда и завела:

"Мы хозяйшку уважим,
Своей силушкой покажем -
Эй, ухнем!!

Как шарахнули бревна! Затрещало, застучало, заскрипело в сухом воздухе - уши затикай!

А ей любо! Из-под соболевых бровей запустила карий глаз в живую бронзу. Приподнялась на цыпочках, принагнула грудь, вырвался низкий голос и зазвенел перекатами: - Бог в помощь, соколы!

А фалалай Агафонович тут-как-тут. Рысит по положению.

- Заподряжил лейб-гвардию! Поддатнее не омышь! Слышь, треск-то, ровно турку быт!

Наморщилась хозяйшка и пальцем грозит.

- Ты-то хорош командир! Усоборовать меня вздумал? От белого света кирпичицами загорючил. В потемках сиди! Ни дышать, ни ходить. Захлопал на версту. Под ногами обои, что стекло битое, перед носом стены острожные. В проходах твоих на лбу шипки насаживать - кошкам тесно! Хотя бы сушняк подбросил, аль стлань из досок смастерил!

- Ай, ай, ай! - завертелся фалалай Агафонович - ведь знал! Эй Богу знал, что вам невпереное. Вот ночь думал. Что отлань! Прощетки оборудую для променады. Босиком гуляйте - не царапает!

- Да скажи силачам чтоб не баклуничали. Хозяйка, мол, не дни, а часы считает, дожидаясь новоселья. Потрафят - не покусывай. А опереду дома сорняки вон и землю перелопатить - цветы разведу для аромата. И клены не трожи! Кружевные они, ровно занавеси, проходу широко стоят.

- И не говорите! И не говорите! - замахал руками фалалай Агафонович. - То-есть все ваши желания до начала стройки предвидел и на плане кружочками обозначил.

- Ну, ну... с тебя и венок! И вдруг смягчилась - красненькую десятирублевку сует.

- Артель-то твоя пыльная?

фалалай Агафонович омутился. Сразу и не замечал:

- Пьющих-то я того...на что они? Какже с пьющих работники?

Ухмыльнулась хозяйшка.

- Ах ты, мыкальник! Чать "Дом трезвости" поперек горла встал? Твоим богатствам апосла работы одно ведро вовек не через меру. Аль цыц?

Сметил Агафонович, что не пытается она, а идет на чистую - сразу и расправился:

- Зачем цыц? Ни, ни! Апосла работы и орду непьющие выпивают. Я и сам располагал выставить от себя полведерка - пот трудовой обтереть.

Прижмурилась лукаво Евлампия Онисимовна.

- Самому-то про водку ни мур-мур! Не по ноздре ему. Намеднясь пришел с чаепития, а винным духом попахивает. Я и усумнилась. Не в графинчиках ли чай подает в "Доме трезвости"? Как затряс кулачищами! Дура, говорит, ты блудомыслящая! Зубопродерявленный до слез заныл. Фельшер Пров Акимич ватой заткнул - от нее и несет. Поковырял пальцем и вынул проспиртованную ватку. Я - в пояс! Прости, говорю, Христа ради за напраслину. А сама думал:

Коли у тебя одна голова, так у меня две, да не твоих, а полчуже. Не даром круглоголовой уродилась!

Подбоченилась хозяйшка и ну хохотать. Заколыхались розы на пышной груди, как от неожиданного ветра. Загоготал и фалафей Агафонович. Но всегда сливочное масло прозапаало держал.

- Под корень подземный берете, мудрейшая Евлампия Онисимовна! От первого дня проникновенность вашу оценил! А весь-то грех в лесной орех! И пущай Иван Савелич с оборотной стороны полегоньку пьет, а с лицевой - чайком балуется.

Лобил Иван Савельевич на лодке оилушку потешить. Скрипели в уключинах весла, за кормой отброшенная вода сердито булькала, закручиваясь воронками.

Подбадривали и веселили речные запахи. От лодки несло смолой и свежей масляной краской.

Растегнул купец голубую косоворотку, чтобы вольготнее дышала волосатая грудь. Сколько мог забрасывал весла и налегал так, что выносило из воды узкий, вздрагивающий нос лодки.

- Знай наших! Эх, ма..!

Фалафей Агафонович, орудуя кормовым веслом, жмурился от утренних лучей.

- Эх, шибко бежим! Про вас, Иван Савелич, в книге "Бытия" надо бы растолковать особо: ...а раба Божьего Ивана вылила из меди и вдули две оилы слоновых.

Направлялись строители к левобережным токорям, заказать балеины для балкона и лестниц.

Розовый туман приподнялся. Казалось, будто окрест поблескивало и колыхалось густое, тяжелое масло. Только у самой лодки, под веслами, да под острыми крыльями чаек и ласточек, да в рзбегавшихся кружках от рыбьего плеока, пенилась и сверкала безчисленными граньками живая вода.

Как вышли на отрежень - залюбовался Иван Савельевич родным городком - ну, вовек игрушечный. До того занятно слеплялись разноцветные кровли, тянулись к небу маковки-купола, обгали к реке кривули-улучки. И пристани, что детские кубики, прибитые к берегу. Ветер - вершинник, не трогая воду, шевелил в нагорных садах кудрявые макушки - кланялись они лесам заволжским. На самом видном месте, высузавшись из кленовой рожи, смотрел на Ивана Савельевича новый дом. Еще с некрашенными стенами и оранжевой крышей.

- Дом-то, кажись, удался, Агафониц?

Полюбовался и "зодчий" через плечо.

- А как же-с! Твердыня несокрушимая! Стоять ему до предбудущих времен, Иван Савелич!

А Иван Савельевич уже прикидывает волух:

- В палевый не хотел бы красить. Цвет о теплынькой, да черезчур казенный. Светло-лазоревый-линочий. Желтый да розовый о лучем, но - маркие. Давно примерял их. Ни к путам не годятся! Забракoвал и "зодчий".

- Не взять ли, Агафониц, сероватый?

- Сероватый и хотел. Выносливый цвет!

- Выносливый? да унылый. Без отражения. И на арестантский омахивает,- поморщился купец.

- И я в таком же убеждении, Иван Савелич. Кисти в ем нет!

- А ежели зеленоватый? Куда пригляднее!

- И сравнить нельзя! Я ведь, Иван савелич, зеленоватый и отметил.

- Крой, брат, фиштакковы!- решил купец.

- В точку-с!- восклицает фалафей Агафонович. - С прошлого года записан в книжку: зеленоватый

о фиштакковым отливом. Красочка вкусная и здорово упористая!

Лодка плыла вдоль низкого левого берега. От лугов потянуло кашкой, львиной пастью, богородичным цветком, ромашкой - теплым дыханием меда и мяты.

Взглянул Иван Савельевич на широкие зеленыя, с яркими пятнышками цветов и мысль его снова завертелась около нового дома.

- Обоим для Евлампии Онисимовны подберу в Нижнем-Новгороде. Здесь не найти.

- Шип найдешь!- сразу же подтвердил "зодчий". - Медкота рябая! Загагуленки, козявочки, петельки, точки - ровно понаплевано. Живописной выдумки нет

- Ежели обклеим солидными, без разводов - заголосит, что в монастырскую келью заперли. Так ли, Агафониц?

- Как дважды два, Иван Савелич! Пополам перекусит! Камень на шею и в Волгу!

- А вот, скажем, о крупными розанами?- наху-пывает Иван Савельевич.

- О них и думал! Дворцовый цветок!

- Ах, с птицами, Агафониц?

- На птиц-то я больше надеялся, Иван Савелич!

- А с тем и другим? Что скажешь?

- Стоп, стоп, стоп!- обрадовался фалафей Агафонович, - целый месяц мозги сверлило, истинный Бор! Так и чудился райский сад! А вы подсказали. Против такого Евлампия Онисимовна и мяукнуть не посмеет!

Иван Савельевич оставил весла, размял затвердевшие пальцы и, зачерпывая пригоршнями воду, освежил лицо.

- А чем благословим дом на новоселье? Икону бы надо для гостиной. У наших лицезвищиков кисть упругая, через это и письмо шершавое.

- Что наши? Самохвалы!- скривил губу "зодчий" - Херувимчиков безтелесных описать не умеют, а куда же им до настоящих святых!

- Поищу в Нижнем хорошего Миколу и киот о позолотой!

- Его-то и купите, Иван Савелич. Защитника земли Русской!

- Так-то так! Одно плохо,- замылся купец, - многовато их. Миколы чуть ли не в каждом доме.

- И я заметил! В большом ходу! Куда не оунешься - Микола!- сожалеет "зодчий".

- Разве отечественного взять? Преподобного Сергия?- опять доискивался Иван Савельевич.

- Свой-то ближе! Вдохновителя Куликова и берите.

- А то Александра Невского? Как, Агафониц, меркаешь?

- Он то и есть для парадной комнаты. Святой Сергей монах омиранный в подряснике, а Александр - князь! Убор-загляденье! В светлых латах, в серебряной кольчуге, при мече и со стягом!

- Вишь ли, Агафониц, хотелось бы всем потрафить: и сыну, и внукам, и правнукам.

- И мой взгляд - в сердцевину попадать надобно!- И "зодчий" ткнул перстом в воображаемую сердцевину.

- Правильно, Агафониц! Вот и рассудим. Самоглавное для всех чад и домоладцев, конечное дело, здоровье. А кто, подумай-ка, над всеми врачами врач И Иван Савельевич, не дожидаясь, ответил сам: - Святой Пантелеймон!

фалафей Агафонович чуть не бросил в реку весло.

- Знал, что его возьмете! Ведь вот вы какой! Завсегда наперед! Эх, Господи! Как бы чуточку пов-

ременили! А у меня перед самыми глазами так и пла-
вает, так и плавают ангельский лик Целителя - а имя
ускользает! Никаких других, Иван Савелич! Его - и
мабаш!

Было у фалалея Агафоновича свое знаменитое
правило: чьи денежки, того и воля! Ни полслова по-
перек! Прикажи ему Иван Савельевич покрыть дом зо-
лотыми листьями - и не сморгнул бы! Так бы и отве-
тил:

- Верите ли? Третий месяц не сплю и об этом
думаю. Без золотой крыши и дом не дом а проще гово-
ря, курятник!

ван Савельевич, собираюсь в Нижний-Новго-
род, пригласил и Евлампия Онисимовну, что
бы с бабьего ума подозрения снять.

Отмахнулась пухлой рукой.

- Дом без призора как оставить? Рас-
тарайся-ка сам!

Он и не настаивал. "Без нее-то куда легче.
Осталеешь от прихотей и все дело заходит". А у
Евлампии Онисимовны своя думка. "Поди и ему, трез-
веннику, тешком, да по рюмочкам пить надоело. Пуная
звольну погуляет, для освежения".

Вечерняя зоря пылала в окных стеклах.
На оранжевом небосклоне густо посинели
заволжские леса. Медным зеркалом за-
стыла широкая река. Ранняя осень поле-
гоньку золотила листья.

По балкону нового дома ползали ро-
зовые зайчики от заходящего солнца. Здесь-то и бла-
женствовала Евлампия Онисимовна в кресле - качалке,
что малое дитя в ябке.

Хоть и решили переселиться в новый дом к
Покрову - в погожие вечера приходила чаевничать на
балкон к любимым кленам. Новинкой казались и ре-
чонный простор и берущие паразоды, и караваны белаян,
и, даже, знакомые улицы, обтекающие к пристаням.
Все то же - а вот с этого места еще невиданное. Ды-
мид полныи самовар, отгоняя комаров и мошек, охоти-
ниц до сладкой снеди, расставленной на столе.

В одной руке держала тарелочку с изюмом,
другой подбрасывала их в рот, как семечки. И хоть
чувствовала себя превосходно, а все же хотелось с
кемнибудь перемолвиться. И вот,глянув вниз, в про-
мехутках между баласинами, увидела подпрыгивающую
шляпу фалалея Агафоновича.

Под балконом, часто притоптывая каблуками,
"зодчий" пробовал новую дорожку, моденур краснова-
тым плитняком.

- И разобрать не могу - польку, аль кад-
риль в самоту отплясываете? - расохоталась Евла-
мпия Онисимовна. - Иди-ка чай пить покуда самовар не
заглох. Гостем будешь!

- Как есть угадаи! О нем-то и мечтал,
Евлампия Онисимовна. И с такой хозяйшкой, да на та-
ком дворцовом балконе, кто бы от чайку отказался?

А когда "зодчий" появился - еще удобнее ра-
звалилась в качалке.

- Я-то отпила, Агафониц. Ты уж сам распоря-
дись, как знаешь. Хошь с чая начинай, хошь с рома-
ней. У меня ведь не "Дом трезвости".

Шустрый глаз фалалея Агафоновича оразу при-
метил темную бутылочку в знакомых оклейках.

- Ежели позволите, я бы спервоначала чисте-
нького, а сверху чайком залью. - И руки потер, пред-
вкусая.

- Воля твоя, Агафониц.

Пузатый самовар и полынный дымок удобно за-
олоняли от хозяйки и фалалея Агафоновича, заглушая
легким кашлем бульканье, налил полчайного стакана и
ожег нутро душистым ромом. Незаметно заменил его

тонконогой рюмочкой, чуть побольше наперотка,

- Сам-то, что пьет? - оведомился переводя
дух.

- А ни словечка! За разными делами, чать,
времени не хватает! - улыбнулась двусмысленно.

Много и не тревожила. Знала, нельзя всякую
опытку подлостью и каменной считать. Крепкой голо-
ве дурман не страшен. Другой раз из чистого любо-
пытства с проторенной дорожки сворачиваешь. Ежели и
грешно, грех-то этот, какий, всеобщий. Всем миром
и ответим - оно и легче. И вдруг хихикнула леги-
нько.

- Неудомеж мне, дуре - чего они к певичкам -
шишкеткам липнут? Из другого теста выпечены, аль
сахара больше?

"Задчий" прикончил напероток, наполнил опять,
да и брякнул!

- Вымыты уж больно чисто! А она строгим го-
лосом:

- Оскотись! Агафониц! Другие-то потвоему, не
мытыми ходят?

- Кто говорит! Мытые, да не так, Евлампия
Онисимовна. Другие водой моются, а их в хересах и
мадерах купают! Окунут раз, другой и вынырнет она
оттедова, ровно медом помазана - хошь облизывай!
Кто ж откажется?

- Ох, Господи! - руками всплеснула, - шиплет,
поди, даже?

- Терпят, конечно! - согласился "зодчий" - Да
ведь за желтые рублечки и потерпеть можно!

Ожевилась Евлампия Онисимовна. Даже блюдечко
с изюмом на пол поставила.

- А херес-то потом куда девают? Такую уйми-
щу! Напросто волив?

Заносила фалалея Агафоновича такая нерасчетли-
вость.

- Тоже окажете! Заграничный напиток и вдруг
- волив! Вылакают до оухого доньника!

- Апооля шишкеток? - воскликнула купчиха.

- Эка беда! Залитому человеку только окус
прибавят! - убежденно заявил фалалей Агафонович. - То-
ли бывает, Евлампия Онисимовна. Вот, что наменил уз-
нал от поваренка федотки. Сноравлиется он в тракти-
ре "Самарканд". Случилось, grit, что в кухне, акро-
ма его не было ни души. Вдруг, grit, двери на рас-
пашку и вваливается скорняк Сидор Трофимыч Телкин.
- Давай кваду! - орет, - нутро перегорает! - Да не до-
жидаясь - хватя ковшик и к бочке. Зачерпнул и тянет
А у федота - душа в пятки! Дрожкой дрожит, малец!
В бочке энто? натуральные помои, овиней откармливать.
Ежели, мол, расчувствует купец - пришибет, как суо-
лика! А повернуло в обратную! Охолостил, grit, Те-
лкин два ковша, с усов ошметки сбросил и приметку
ставит: - Штука, grit, забористая и киолина вакку-
рат, а прощезено плохо! Ожил федотка! Сметнул, что
купец мозги пропил и ему с ахальством: - До полной
формы не дошло, ваше степенство! Через два дня про-
цехевать велено! Тогда и наведывайтесь!

- Ой, правда! Ой, правда, Агафониц! - визжит
Евлампия Онисимовна. - И я такое видывала!

А "зодчий" тем временем прикончил десятый напе-
рток и принялся за чай. Посмотрел, прищурившись,
сквозь стакан и решил, что хидковат - для цвета ро-
манаеи прибавил. Над головой робко затрепетали пер-
вые звезды - вот, вот погаснут. Ровно из-под земли,
у самого горизонта, вспыхивали зарницы. Открылся ру-
биновый глаз бакена. В отраге, за кленовой рощей,
дружно заквакал лягушачий хор. А на нижних улочках
в освещенных окнах обозначились крестовины рам. Зво-
нко шлепая ладошкой, Евлампия Онисимовна давила кома-
ров.

- Хошь и купаются они в хересах - настоящей
полнокровной, красоты в них нет, - продолжала разгово-
р - Мордочки набелены да нарумянены, перетянуты, как
скрипка. Обманом людей колят! И чем, вишь бестеле-
сней - тем желанней! Слышала стороной, что на энти
чахотки спрос агромадный и цены без запроса.

- Истина-о, Евлампия Онисимовна!- замедливший "зодчий" растолковал бы ей сейчас любую житейскую тайну. - Истина-о! Акромья хересов подтягивает и другой магнит. Говоря напролом - размахом мозги закручивают! У них, как в столичных ресторациях, дежурного харча нет. Выбирай по списку, чего душа хочет! Накушался и плати без разговоров. А к счастью пристегнут и посуду, и скатерти, и крахмальные салфетки, и фиалочки, и плевательницы, и прочие разукрасы. Для пьяненьких, ни пито - ни едено, при-счета! В сухость же себя вгоняет для обострения нюха и для ради легкого порхания!

- Ты уж окажешь!- опять затряслась от смеха Евлампия Онисимовна: - Собаки охотничьи, что-ли?

- Как есть точно!

Фаладей Агафонович хотел было подцветить новый стакан, но из бутылки больше не капало. Махнул рукой и закурил.

Сумерки прятали лицо Евлампии Онисимовны и "зодчий" не приметил, как щеки ее зарумянились. Купчик казался, что огонек папиросы запутался в ее полупушенных ресницах; то вспыхивая, то потухая.

Когда-то, так переменчиво горели ласковые и живые глаза Ганьки. Слышала про его воронью жизнь. С мечеными картами на Макарьевской ярмарке кармань общица. Хмыт - получше этих охотничьих собак. Все знала - а вот, допустила...

Улыбнувшись сама себе, а на висках, в тоненьких жидках сильно затикала кровь. И думала: "А не в том ли разгадка, что человек в потаенной глубине его ей вовсе не однолюб?"

В тот же вечер решил Иван Савельевич послать домой весточку. Возвращаясь в свою гостиницу, что на Благосеменовской площади, еще чувствовал в голове туман от вчерашней разгулки.

Сопровождал его купельный и ветрлявый Яша Зюскин, в одином на затылок котелке и с огромным портфелем. Придерживая Ивана Савельевича за рукав, он доказывал:

- Много вы услышите от канареек? Чирик-чик, то-то-то и опять чирик-чик! А грамфон, что завертите, то и поет. Имеете дома целый театр. Я вас научу поверить опыту. Слушайте! Вас хочет выманить из дома какая-нибудь заинтересованная родственница. Так вы, крутите ручку и преспокойно уходите! Грамфон поет, а супруга уже на вас не смотрит. Она ослепла! Она ослухает, разиня рот, знаменитого баса Бориса Годунова!

Забавная новинка соблазняла купца. Знал, что потрафит Евлампии Онисимовне. Одно омушало - не грешно ли держать в комнатах, где иконы?

- Ладно, не тараторь! Завтра оторгуемся, а сегодня недосуе!

Смысленный номерной для хорошего гостя - лучше всякого лекарства. Уже ожидали Ивана Савельевича полбутылка "Мартея", засахаренный лимон и моченые яблоки. Писал он не торопясь, выводил круглые буквы. Собирая мысли, глядя на розовые вечерние облака, еще по летнему пухлые и слоистые, на ступеньчатую башню и зубцы кремлевской стены, на золотые луковички церквей. "Агафонушке приказы к моему приезду все работы, без оттяжки, подогнать к точке. И еще, что-бы прошел той же краской оконные рамы и двери, все она уржи а балкон весь. Да, чтоб опробовал окраску шпингалетов и шарниров, а денег не давай. Приеду - рассчитаюсь. Это дело из головы вон. Для столовой мебель купил дубовую на двенадцать персон, а для гостиной - ореховую с бронзовыми наклепками и в бордовом плюше, да для передней восемь предметов и зеркало поболее чем в рост. Все на клею и шипах, без онос, ежели зря не ломать. Для балкона двенадцать плетных предметов и оособо стол на клею и шипах. Это дело из головы вон. Для оживления стен оторговал четыре блюда, по три четверти поперек, в росписи

хохломожских мастеров, царю напоказ! А для тебя все новое, увидишь - обомлеешь и к тому муаровые обои зоревое колера с травным узором, а в нем розыны в кулак и райские птички. Это дело из головы вон..."

Выпил Иван Савельевич рюмочку, посолов моче-ное яблоко и вспомнил, как прошлую ночь распустил возжи.

Уж больно заинтересовало: все ли имелось в наличности у маленькой плясуньи, худенькой, худенькой, ровно прозрачной, а гибкой, как ивовый пруттик. "Дома лебедушка поджидает, а я, орысины, о трясогоузкой свзззззз. Как не крути, а и то верно - кот одох бы о голоду, кабы всю жизнь около одной мышиной норки сидел, - оправдывал себя купец. Но совесть, все-таки занозила. "Прости Господи оластолюбца окаянного Другой раз оббегу осторонкой". Вывернуись как-нибудь. А Евлампии за мое грехопадение подарочек".

Решительно обмакнул перо и продолжал:

"А о протчим гостиницам привезу тебе американскую машинку. И не орган, и не шарманка, а сундучек о трубой аршина в полтора. Поет мужским и ба-бым голосом вальсом и кадрили, а если желательнее о утра до ночи. Музыка редкая и еще не омыканная. Это дело замечано".

Вздохнул облегченно и закончил:

"Помог Бог найти икону святого Целителя Пантелеймона, плавкого письма, в серебряном окладе, о позолоченным венчиком. И кикот в мелкой резьбе, ручной подделки володимирских мастеров, а того и хотел. Перед такой иконой архиереям молиться. И это дело, слава Тебе Господи, из головы вон".

Николай Турбин.

Ранним утром Господу слава,
Первой мыслью и первым вздохом!
На росую напоенных трав
След небесный идет с Востока.

Как скользнет Он сверкающим золотом
По полям, по трущобам жутким,
Милосердно дарованным голосом
Помолись хоть одну минутку.

Все равно, хоть жуужаньем, хоть треском,
Все равно, соловьиной ли трелью —
Встреть его! — и не будет тесно
Человеку, растенью и зверю!

Н. Турбин
По слову св. Франциска Ассийского.

Андрей БЕЛЫЙ

Записки нашего корреспондента
из Новой Гвинеи

/Продолжение. См. "БОГАТЫРИ" №2/

Утром следующего дня около 6 часов капитан Питер, уже изрядно выпивший, поднял всех на ноги. Нужно было пришвартовать "Алеандра" к берегу, или вернее, к линии затопленных деревьев и начать выгрузку.

Черные матросы оуетливо шныряли по палубе. Капитан вышел на мостик, а на верхнюю палубу выскочили шесть человек папуасов с винтовками и встали вдоль борта, обращенного к берегу. Громадного роста негр стал ногами на бортовые перила и оглянулся на капитана. "Поехал!" прорычал Питер, и негр бросился головой в реку. Не успел несчастный сделать двух-трех взмахов руками, как на поверхности реки беззвучно, не шелохнув воды, как привидения, появились в разных местах крокодилы и устремились за отважным пловцом. С палубы папуасы открыли огонь из винтовок. Два крокодила, уже настигавшие негра, были убиты и перевернулись брехами вверх.

Негр достиг ближайшего дерева и с ловкостью обезьяны вскарабкался на сук. С палубы ему бросили канат, и он медленно потянул "Алеандра" к деревьям.

Разгрузку вещей начали также под прикрытием ружейного огня, который иногда поражал особо наглого крокодила, плывущего прямо в гущу негров, таскавших наш груз по горло в воде.

Начальство, осмотрев на переправу, решило дать нам полные полномочия в дальнейшем выборе дороги, а самим вернуться в порт Морезби.

Я и Жорж, держа винтовки над головами, погрузились в мутные воды реки и медленно, опотыкаясь о корни и пни под водой, пролезая между лианами и деревьями, пошли вперед. Опушение было не из приятных. Нашим же боям было очень тяжело. Они тащили рефрижератор, тяжелую печь, кровати, опотыкались, падали сами, роняли вещи в воду и вытаскивали их вновь.

Пройдя шагов двести по воде мы выбрались на сухое место. Отсюда ни реки, ни "Алеандра" видно не было. Слышно было как Мик и Питер кричали нам: "Гут бай!" — и "Алеандер" захлестел, отплывая в порт Морезби.

+ + +

— Ну, Жорж, итак прибыли к месту ового назначения! Для начала не так уж и плохо — все же мы еще живы, — говорил я подчеркнуто бодрым тоном, стараясь приободрить сидевшего в полном унынии Жоржа, хотя сам, признаюсь, особой бодрости не чувствовал.

— Та ричей, Андрей, брзо не харамо, я не думал, что будет так плохо-сигурно! — говорил унылым голосом мой спутник.

— Что же, Жорж, вы видите тут плохого? Вы же, собственно знали, что мы едем в джунгли, а не в Париж. Но зато подумайте, Жорж, мы на своих славянских плечах понесем прогресс в джунгли Новой Гвинеи. Потомки через сто-двести лет скажут: "Здесь впервые среди добрей лесных и болот отупила нога славян Георгия Коларова и его ассистента Андрея Белого. Они, изгнанники, преследуемые варварской коммунистической властью, делали обезчеловеческое дело — несли прогресс и цивилизацию в глухие джунгли. Пладами их тяжелых трудов пользуетесь теперь вы, овозободные и счастливые! Вот, что окажут о нас потомки, Жорж! А вдоль проложенной нами дороги возникнут цветущие плантации и селения, радостная и трудовая жизнь. Через сто лет, Жорж, наша дорога станет великолепной автострадой, обрамленной прекрасными пальмами и по

ней понесутся атомные лимузины от одного большого города к другому. Вокруг взор будет встречать возделанные поля пшеницы и риса. Болота и джунгли исчезнут, не будет ужасных москитов, несущих смертельную лихорадку. И начало всему этому благоденствию положим мы, два славянина. Наши бронзовые бюсты будут стоять на мраморных пьедесталах при въезде в многомиллионный Порт Морезби.

— Та речем сигурно, Андрей, вас видно здорово крокодилы напугали!

— Это хорошо, Жорж, что вы острите, при появлении жмора — исчезает уныние.

Голые, грязные, как мокрые индюки стояли мы среди джунглей, держа в руках мокрую одежду и не зная, куда еесть и что делать. Постепенно пришли все бои, взвалили вещи в одну кучу и тут же улеглись опять. Поразительная опоспособность у папуасов — спать везде и при любой обстановке.

Мы присели на палатки и открыли дебаты о предстоящих действиях. Обстановка была действительно совершенно неясная. Куда идти? Никаких карт окружающей местности. Что впереди нас? болото, река, горы? Где расположить свой лагерь: здесь или продвинуться дальше сквозь джунгли и искать лучшее место?

Людям свойственно верить, что впереди что-то будет лучше и, следуя этому человеческому побуждению, мы двинулись вперед.

Впереди нас шли бои с буш-ножами и медленно врубались в джунгли. Мы двигались за ними, отмечая наше направление по компасу и ставя вехи с лоскутами кумача.

После 4 — 5-и часов утомительного движения по джунглям, в которых земля, видимо, никогда не высыхала со времен потопа, то наткаясь на змей, то пугая стадо диких свиней, мы, наконец, выбрались на небольшую солнечную поляну с пригорком, у подножья которого бежала река метров двадцати шириной с замечательно чистой водой. Лучшего места для лагеря и желать было нечего. Мы подошли к реке и припали о хадность к ее холодным водам.

Освежившись в речке и отдохнув, мы отправились боев за вещами. Было около полудня. До наступления темноты нужно было перетаскать весь наш скарб в лагерь. Остальную часть дня мы этому занятию и посвятили.

Уже темнело, когда последние наши пожитки были перенесены измученными папуасами. Палаток в эту ночь решили не ставить. Айзи разложил наши кровати, сверху покрыл их москитными сетками, зажег лампу, и мы, усталые, с наслаждением залезли под спасательные сетки. Только тут, в джунглях, мы прониклись глубоким чувством благодарности к тому неизвестному гению, чей ум изобрел москитную сетку. Под ней мы спали, не ведая ни печалей, ни воздыханий.

Москитная сетка спасла нас не только от москитов и другой больно кусающейся мошки, но и от более неприятных и непрошенных гостей. Иногда, просыпаясь утром, мы с ужасом замечали сидящую на сетке жирную оклопенду или мохнатого паука с красной лоснящейся пастью. Укус этих созданий по ядовитости не на много уступает "блек рнэйку"/черная змея/.

Лежа под сеткой и вдыхая полной грудью свежий ветерок, струившийся вдоль нашей речки, я оглянулся вокруг и пришел в восторг от экзотического зрелища, которое представлял наш лагерь: оправа и

слева от наших кроватей папуасы разложили два громадных костра. Их голые фигуры фантастическими тенями мелькали на фоне огня. Вдали играла лунным светом река, над головой ослепительно и ярко блистали мириады звезд.

- Ах, какая красота!- Воскликнул я, обращаясь к Жоржу, который ответил на мой восторг прозаическим храпом.

Я долго еще любовался окружающей природой, так живо напоминавшей мне уголок моей далекой родины. Журчащая речка, зеленеющий пригорок, струящаяся прохлада и сверкающий небосвод. Я старался не смотреть на джунгли, которые стояли черные, таинственные и молчаливые. Заснул я под оглушительный хабий концерт. Концерт проходил оригинально: сначала выступал соло. Он делал десяток кваков басом, вслед, точно по мановению палочки дирижера, раздавался гром сотен лягушечьих голосов, затем хор смолкал и опять квакал бас, и опять гремел хор. Я не на шутку позабывал, что жаб так трезво, организовано и мило коротают свой досуг. Мне невольно захотелось по этому поводу написать письмо ко всем организаторам и устроителям "русских пельменей и блинов", и я заснул.

Снилось мне, что я слушал прекрасный концерт организованный брисбанским Русским Клубом. После концерта были танцы с "прохлаждающими" напитками. Я танцевал с интересной девушкой. Мне было двадцать лет, и я был в нее влюблен. На одном из "па" кадрили я начал объясняться ей в любви. Близко посмотрел ей в лицо и в ужасе отпрянул назад - вместо чудной девушки, я нежно и трепетно обнимал за талию большую зеленую жабу с мутными вылезшими из орбит глазами. Я завопил диким голосом и проснулся.

Вокруг ослепительно блистало солнце. Жорж, как бегемот, фыркал в реке. Айзи успел перевернуть на плите молоко и собирал его обратно в кастрюлю, а кругом заливались разными голосами птицы, встречая пением восходящее солнце.

Следующие три дня мы устраивали лагерь. Срубали вокруг деревьев, выкосили траву, поставили палатки. Над нашей кухней папуасы сделали крышу. К реке прочистили дорожки, устроили уборные. Нанесли песку, посыпали пол палатки, и лагерь наш принял жилой вид, а на все джунгли, на удивление диким свиньям, крокодилам и змеям, оглушительно раздалось: "Вы слушаете освободный голос Америки...". "Говорит Москва...". "Вдоль по Питерской" исполняет Лемешев.

+ + +

Закончив устройство лагеря, мы решили несколько дней отдохнуть, поохотиться и "поудить" динамитом рыбу, которая в изобилии развелась в реке. Но наши планы были самым безжалостным образом разрушены.

Утром, проснувшись я пораньше, огляделся вокруг и протер в изумлении глаза, опять посмотрел... Но зрелище, поразившее меня, не исчезло. Картина, представившаяся моему изумленному и сонному взору, была поистине необыкновенная!

Около полусотни совершенно голых дикарей, всех полов и возрастов, с воткнутыми в нос палками, с растянутыми до плеч ушами и татуированные, особенно женщины, так что тела их и они сами напоминали собой ходячий бухарский ковер, неудачного рисунка, расселись ладком вокруг нашей открытой палатки и сосредоточенно наблюдали наш безмятежный сон. Я в смущении перед дамами натянул на свое грешное тело простыню. Мой поступок вызвал обмен мнений среди дикарей. Некоторые от души смеялись, похлопывали себя по ляжкам и безцеремонно показывали на меня пальцем. Я начал краснеть, подозрительно себя оглядывать и плотнее закрываться простыней. Я лежал и с ужасом думал, что мне придется вставать с кровати при всем честном народе и медлил, но организм мой властно

требовал потарасливаться.

Я продолжал лежать в глубоком и горьком раздумье. Пока я трагически мыслил, как выйти из создавшегося положения, проснулся Жорж и тоже стал усиленно протирать глаза. Выражение его лица было настолько комично-изумленным, что даже я, несмотря на переживаемую драму, не мог сдержать улыбку. Среди же публики пробуждение Жоржа вызвало оживленную критику, кривотолки и очередной взрыв искреннего смеха. Не хватало только аплодисментов.

На мои жалобы Жорж, как человек бывалый, тоном полным самообладания посоветовал мне:

- Вы не обращайтесь на них внимание и делайте что вам нужно.

В подтверждение сказанного, он спустил свои голые тела с кровати, вылез из под сетки и, повернувшись голой спиной к публике, стал влезать в шорцы. Публика, затаив дыхание, следила за каждым движением Жоржа. Но, видимо, пятьдесят пар человеческих глаз, напряженно устремленных, действовали на него магнетически. Жорж волновался, запутался в шорцах, несколько мгновений он пробалансировал на одной ноге и, потеряв равновесие, с размаху шлепнулся на кровать.

Что произошло в этот момент, трудно описать!

Ни в одном цирке мира, самый знаменитый клоун, вероятно, не познал таких лавров сценического успеха, как бедняга Жорж!

Дикари взвыли и разразились гомерическим смехом. Они брались за животы, стонали, охали и в порыве энтузиазма валились на землю и дрыгали от восторга ногами в воздухе, бросались в обнимать друг друга и хохотали, хохотали до слез, до изнеможения.

Я смотрел на этот здоровый смех милой публики и неожиданно от души расхохотался, что едва не привело меня к катастрофе. Жорж не на шутку на меня рассердился.

- Вы, точно черные, смеетесь, а не знаете почему.

- Жорж, ведь все это в конце концов, действительно смешно. Нежданно-негаданно превратиться в эстрадных артистов и, не без успеха, выступать перед такой безцеремонной публикой! Надо их прогнать к черту - это становится очевидно и невыносимо.

- Сейчас, Андрей, я их попрошу отойти.

На сей раз Жорж, к большому огорчению публики, благополучно одел шорцы и, выставив грудь вперед, с грозным видом стал перед толпой дикарей и, указывая куда-то пальцем в даль, грозно закричал:

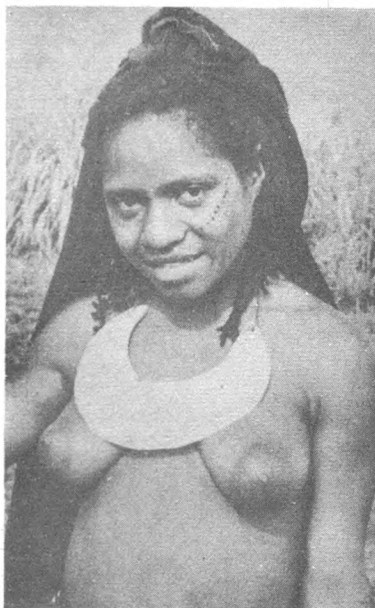
- Вон отсюда!

Ни эффектная поза, ни грозный возглас, Жоржа не дали желательного результата, а только вызвали очередной взрыв задуманного смеха. Вероятно, дикари считали, что Жорж продолжает свою, так удачно начатую, программу. Все пятьдесят человек, повернув головы, в указанном пальцем Жоржа, направлении и, скопировав его жест, хором завопили "воною, воною", продолжали сидеть и от души смеяться в растерянное лицо Жоржа. Я начинал терять терпение и злиться.

- Жорж, давайте пальцем из винтовки в воздух или взорвем шашку динамита.

- Что вы, Андрей! Если мы их обозлим, то наберемся неприятностей, ведь мы полностью в их руках - придет ночью, откунут по голове и будет сигурно.

Долго было бы описывать, как дикари тиражили нас до 3 - 4 часов дня, следя за малейшим нашим движением и то вступали в жаркий обмен мнениями, то хохотали и веселились от души.

"Чаривница Галь"

"публика..."

Только голод заставил их покинуть нас и вернуться в свою деревню отстоящую от лагеря в 5-6 милях.

Сколь велика была у них жажда приобщиться к культуре и повеселиться за чужой счет, видно из того, что, к нашему великому ужасу, они посещали нас всю последующую неделю, совершая ежедневно по 10-12 миль через непролазные джунгли.

В течение последующих дней мы почти привыкли "выступать на сцене". Только иногда под очень уж сильный хохот, я начинал нервничать и злиться, замечая, что делаю невпопад странные вещи, которые доставляли незабываемые минуты веселья этим отпрыскам человеческого рода.

Так однажды утром я встал и увидел сидящую амфитеатром вокруг палатки публику. Не обращая внимания, свернул папиросу и чиркнул спичку. Спички за ночь отсырели, головка спички раскрошилась и не заглялась. Толпа реагировала на мою неудачу умеренным смехом. —Идиоты,— мыслил я, и стойчески чиркнул вторую, третью и четвертую спички — они не загорались. Толпа уже редела от восторга. Я начал злиться. Чиркнул пятую, и с досадой бросил их на стол. Толпа пришла в состояние вакханалии. Я же почувствовал, что нахожусь близко к границам бешенства и начал совершать странные вещи. Решив побриться, я вместо бритвы взял очки и одел их. Потом бросив очки на стол, взял бритву, налил горячей воды. Дикари не пропуская ни одного моего движения, хохотали во все горла, а женщины истерически визжали.

У меня от этого смеха стали неловкие и неуверенные движения. Окуная помазок в стакан с горячей водой, я его опрокинул. Горячая вода полилась на ноги, я с испугом отскочил от стола и с грохотом перевернул стол.

Толпа была в агонии. Казалось, что, в опровержение всех правил, они умрут от смеха.

Терпение мое лопнуло: сдерживаемое бешенство вырвалось из моего горла в виде хриплого рева, и я бросился к ящику с динамитом, что бы раз и навсегда отучить этих негодяев от их наглой манеры смеяться в глаза над человеком, заброшенным коварной судьбой в джунгли в их примитивное общество. Жорж бросился ко мне.

— Андрей! Я вам не позволю это делать!

— Но я больше не могу терпеть издевательств над собой! — Кричал я в ответ Жоржу. — Я брошу динамит на безопасном месте, пусть грохот динамита отобьет у них охоту смеяться. Тогда я буду держаться за живот руками и хохотать над их испуганными рожами. — В этот момент я искренне ненавидел этих черных извергов.

— Андрей, но подумайте же ведь они дети — глупые дети, уговаривал меня Жорж.

— Хорошо, Жорж! Они дети, но скверных детей порядочные родители порят и секут, а не дрожат перед ними.

Я, не позавтракав, схватил компас, свою группу негров и ушел в джунгли рубить линию. Вечером я имел с Жоржем решительный разговор.

Нервы наши от непрерывных издевательств издергались, и наша жизнь превратилась в пытку. Решено было завтра утром идти за двадцать миль в Казибдину и посоветоваться с местными плантаторами что делать? К нашему счастью вопрос для нас разрешился очень удачно. Один из плантаторов обещал нам на следующий день, по морю перевезти к себе на работы всех мужчин.

Когда через три дня, совершив сорок миль, мы вернулись в лагерь, там царствовала благославенная тишина и порядок. Женщины к нам без мужчин приходили не решались. Мы, наконец, обрели заслуженное спокойствие.

Так кончились наши очень неприятные артистические выступления в джунглях.

+ + +

Наступили блаженные времена. Погода держалась великолепная. Солнце не проникало сквозь густую листву и в джунглях было прохладно весь день.

Вставали мы часов в 7 и прямо с кровати шли купаться в реку.

Айзи готовил к завтраку какой-нибудь очередной кулинарный трюк: хлеб на дрожжах, который имел вид глины с запеченными кусками земли от частого падения теста на землю. Или рис с мясом и жареным луком... сверху посыпанный сахаром.

— Чорт возьми Андрей! Этот меланхолик Айзи положил в рис сахару, — возмущается Жорж.

Вывышали Айзи и долго об"ясняем ему, как готовить, но он с упорством маниака в следующий раз положит сахар в фасоль. У него какое-то болезненное пристрастие к сахару, об этом красноречиво говорит с необыкновенной быстротой опустошенные кульки.

Закончив завтрак, Жорж кричит в палатку папуасов, которая отстоит от нашей нагов на ото.

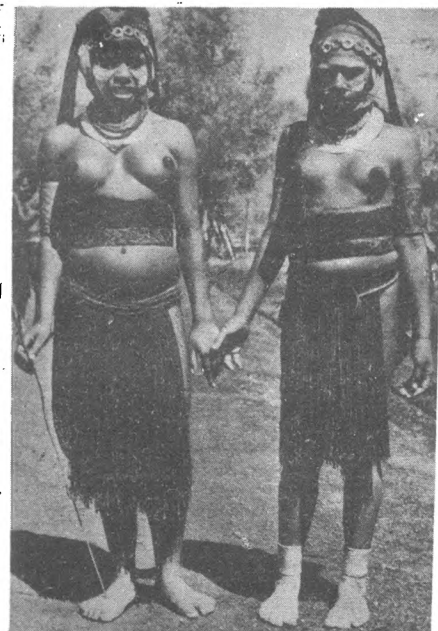
— Падо ! Вы в порядке?

Падо надомотрихи. Он получает 6 фунтов в месяц и полный рацион. Говорит немного по-английски, может ставить вески в створ по оси дороги и умеет читать цифры на мерной металлической ленте.

Он высокого роста, мускулистый, лет 35-и. Лицо его для "красоты" все исполоосовано вдоль и поперек рубцами в "елочку", нанесенные лезвием бритвы. В носу громадная дыра, куда он по праздникам втыкает хорошо отполированный кабаньий зуб.

В общем, вид его оверзепый и грозный, и бои его боялся больше, чем нас. Мне кажется, что Жорж его побаивается не менее папуасов.

Англичане с ним работать не могут, т.к. Падо не выносит никаких приказаний. Обычно, после первого же начальнического окрика он начинает ставить вески вкривь и вкось, цифры на ленте называет такие, которые там не существуют. Нивелировщик приходит в бешенство и больше его на работу не берет.

Девушки племени канибалов

Хорж его покори́л тем, что не приказывает, а просит. В его просьбе я часто слышу нотки заискивания.

Во время работы, когда мы садимся покурить, Хорж говорит: "Падо, закури и дай боям", передавая ему табак.

У нас от нашего богатого рациона, которым снабжает нас бесплатно департамент, несмотря на поворскую привычку Айзи стащить банку, другую консервов, что бы проиграть в карты с папуасами, остается много консервов и других продуктов, и мы их отдаем Падо и боям.

За все время нашей работы, мы старались как можно вежливее обращаться с боями. В основном это помогло: работу свою они выполняли добросовестно.

Прошло минут пять после первого вопроса Хоржа:

- Падо, вы готовы?

Мы знаем, что на первый вопрос Падо никогда не отвечает и, выходя терпеливо положенные пять минут, Хорж опять кричит: -Падо, вы готовы? На этот раз из недр палатки папуасов слышится недовольный голос Падо:

- Ес, сэр! Мы взяли компас, угломер и нивелир, стоим и ждем. Падо не появляется.

- Да крикните-же как следует, Хорж, что вы все его умоляете.

- Андрей, нельзя! Ну, что будем делать, если они обозлятся, бросят работу и убегут в джунгли.

Наконец, Хорж кричит в третий раз. На этот раз он видоизменяет тон своего призыва, с очевидным желанием апеллировать к совести Падо.

- Падо, мы пойдем одни, а вы оставайтесь - орайт? - В его "орайт" вложено столько эмоций и даже слышится скрытая угроза - дескать, смотрите, Падо, табак не получите.

- Эх! - говорил я с досадой, смотря на нерешительного Хоржа, - им бы сюда Хрушева с Булганиным, они бы быстро из Падо и боев стахановцев одолали, предвзвременно урезав на половину их рацион.

- Ну вот, Андрей, где-же у вас логика, от коммунистов бежали, а другим их хочется.

Пока мы переговариваемся с Хоржем из палатки выступает двадцать боев в чем мать родила с огромными бум-ножами на плечах. Впереди с ярким пером попугая, воткнутом в голову, идет сам Падо.

- Вот, Андрей, покричите на них "как следует", так они нас как капусту покрошат своими ножами-, говорит Хорж в свое оправдание.

+ + +

В голове колонны встает Хорж, я за ним, за мной Падо и вся остальная черная гвардия. Я и Хорж в руках несем ботинки и одежду т.к. через 200-300 метров нам нужно переправляться вброд через нашу речку, вода, в которой доходит нам до горла.

Мы с Хоржем, как и подобает полководцам, показываем пример мужества и бесстрашия. С ходу идем в воду, но пример наш не заразил мужеством ни Падо, ни боев. Все они остановились на берегу. Осторожно и нехотя мочат кончики пальцев на ногах, пробуя температуру воды, затем, колеблясь и медля ступают в воду всей ступней, и на этом их поступательное движение оканчивается.

Мы уже с Хоржем на другом берегу, а бои все задумчиво стоят и смотрят в воду. Они ждут приказа. Если бы мы не крикнули, простояли бы так весь день.

- Падо, идите-же!

- Ес, сэр!

Наконец, все двадцать боев переправились, и наша колонна втянулась в джунгли.

Идем по ранее прорубленной просеке, идти нужно несколько миль. Обычно с одного лагеря мы работаем в два противоположных направления по 4-5 миль, затем переносим лагерь на новое место.

Старая просека кончилась, надо рубить дальше. Отсутствие видимости очень затрудняет и замедляет работу в джунглях. Прорубив несколько сот метров, неожиданно наткнемся на крутой подъем, измеряем угол, он оказывается недопустимый. Меняем по компасу азимут на 5-10 градусов и рубим по новому направлению. Пройдем 1-1½ км., встречаем овраг. Меняем еще на 10-15 градусов направление, прорубим час-два, встречаем скалу. Останавливаемся и, обремененные, долго ругаемся.

Оставив боев сидеть идем в джунгли на разведку - Хорж вправо, я влево

Утомительно и опасно двигаться по непролазным первобытным джунглям. Во влажном и душном сумраке джунглей полно всякой нечисти: какие-то невидимые глазом паразиты проникающие в поры кожи и вызывающие болезненную сыпь, москиты, скарионы, змеи и еще и еще какая-то невероятная мерзость, которая возмущена нашим вторжением в их исконные владения и мстит нам, как только может.

Лианы на каждом шагу хватают нас за ноги, руки, голову: то повиснеш в воздухе, то падаешь на землю. Ветки хлещут и рвут тело и одежду, а впереди стоит сплошная стена леса. Нужно пробраться сквозь эту гущу и нужно смотреть каждую минуту, куда поставить ногу - вокруг то там, то здесь мелькнет отвратительное змеинное тело.

После нескольких часов хождения по джунглям все тело и лицо горят от укусов, царапин и осадин. Рубахи преобретают плачевный вид и пот льется ручьями, заливая глаза.

Бывают такие неудачные дни и даже недели - ходим мы с Хоржем по джунглям, бои сидят, накурятся и лягут спать, а мы все ходим и ходим и нет хотя бы узкой полосы 60-70 метров шириной, по которой можно было бы провести дорогу. Через 4-5 часов, измученные до предела, возвращаемся мы к безмятежно спящим боям и валяемся около них. Мы не говорим друг другу ни слова, не делимся результатами наших поисков - за нас говорят наши печальные и измученные лица.

Нет дальше пути, не пускают джунгли в свои недра человека! Озлобленные, бросаем работу, отсыпаясь и отдыхая несколько дней в лагере.

Но бывают и счастливые дни. Падо идет впереди боев оосредоточенно и зло рубит джунгли. Вдруг на дьявольском лице его засияет подобие ангельской улыбки. Он останавливается, медленно повернется к нам и тоном, точно он виновник постигшей нас удачи, скажет: -Сэр, гут плай!-. И действительно, джунгли сразу посветлели и мы выходим на ровное поле. Оно уходит куда-то далеко и окрывается за линией горизонта.

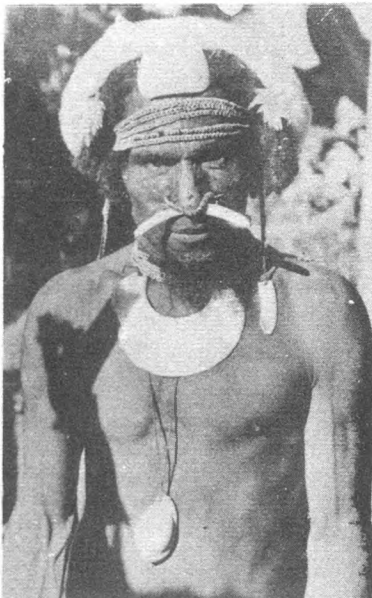
Поле поросло жесткой, колючей травой, выше человеческого роста, не годной ни для одного живого существа - только змеи да москиты нашли себе здесь приют. Хорж садиться, закуривает и радостно смеется.

-Падо, закури и дай боям!-. Падо скалит свои черные со снятой эмалью зубы и ржет каким-то скрипящим смехом.

Я и бои тоже смеемся. Наиболее экспансивные во все горло улыбаются: УА-УА-УА! Радостное вхо далеко разносится по джунглям.

- Что-ж, Андрей, начнем? - говорит в таких случаях Хорж.

- Падо, зажигай!

ПАДО

WIN CURTAIN SKETCHES

BY

ALEXANDER ROMANOWSKY

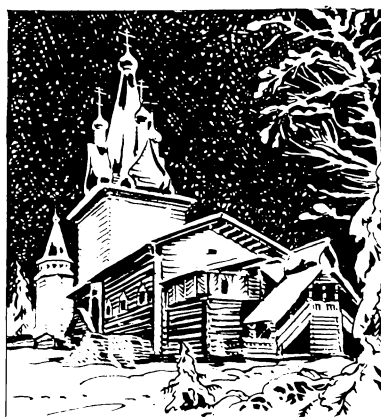

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА ЭСКИЗОВ

ХУД. А.В.Романовского.

ЦЕНА 8 шил.

КНИГУ МОЖНО ПРЕОБРЕСТИ В РЕДАКЦИИ
журнала "БОГАТЫРИ"

ЧИТАЙТЕ!

БОГАТЫРИ

Общественно-Политический и
литературно-Художественный
журнал

I. Wedrow
7 Williams St.
Granville West,
N.S.W. Tel: YU 1812.

РУССКАЯ КНИГА
— ПОЧТОЙ —
книги, грамм. пласт.
журналы и газеты

РЕДКАЯ КНИГА! — Н.А.РУБАКИНА — "ПИСЬМА О САМООБРАЗОВАНИИ"
382 стр. Цена 16/6

М.Н.Загоскин — "ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ" 345 стр. 26/6

Ромен-Роллан — Собр.Соч. в 14 том.

Том 1 "Драмы Революции" 10/3

Том 2 "Жизнь великих людей" 10/3

А.Макаренко — "Педагогическая поэма" 627 стр. 12/6

КАЛЕНДАРЬ НА 1956 ГОД

По старому и новому стилю Изд.Н.Н.Мартыанова
НЬЮ-Йорк.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СКАД ЕВРОПЕЙСКИХ ПЛАСТИНОК

ЛУЧШИЙ ВЫБОР "MICROGROOVE" И ОБЫКНОВЕННЫХ ПЛАСТИНОК

К услугам покупателей специальный
музыкальный бар. Вы сами можете вы-
брать нужную Вам пластинку.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В СИДНЕЕ ВЫБОР ДОЛГОИГРАЮЩИХ
ПЛАСТИНОК

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧИЛА НОВАЯ ПАРТИЯ РУССКИХ ПЛАСТИНОК

ПРИНИМАЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ.

Гарантируем сохранность доставки.

245 CASTLEREAGH STREET, MA 4314 MA8497
2 DOORS FROM LIVERPOOL ST.

BRANCH: RADIO CENTRE KINGS CROSS, 28 DARLINGHURST ROAD.
FA 2465, FA 6596

ПОМНИШЬ ли **ТЫ** о нас?

Alexander Press

CROWS NEST